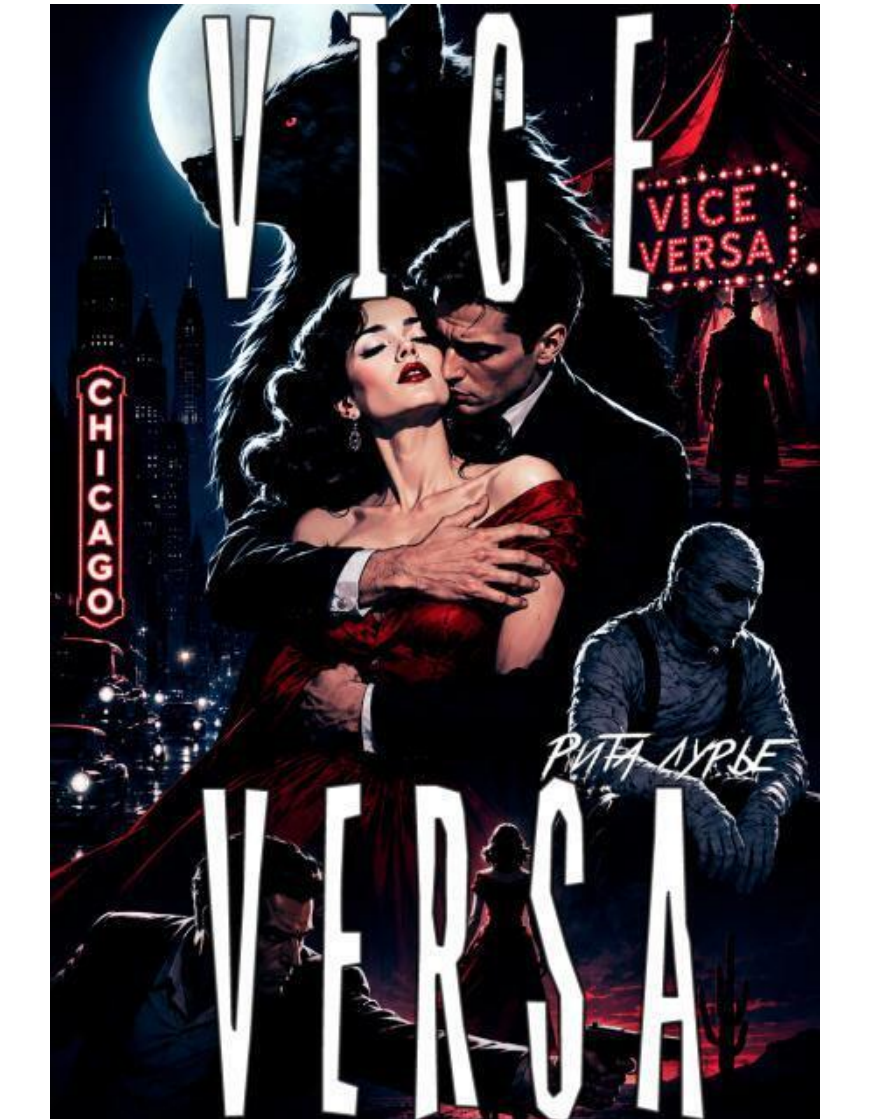

VICE

A movie poster for 'Vice Versa'. The central image shows a man in a dark suit and a woman in a red dress embracing. In the background, a large werewolf head is visible. To the left, a Chicago skyline is shown with a 'CHICAGO' sign. In the foreground, a mummy figure is visible. The title 'VICE' is at the top and 'VERSA' is at the bottom, both in large white letters. A 'VICE VERSA' sign is in the top right, and a signature 'PUTA NYRBE' is in the bottom right.

VICE
VERSA

CHICAGO

PUTA NYRBE

VERSA

Рита Лурье

Vice Versa

<https://litres.ru/74213373>

Аннотация

Беглая жена мафиози скрывается в бродячем цирке и влюбляется в монстра.

Агнес О'Брайан привыкла к роскоши и красивой жизни, но, чтобы избежать расправы, вынуждена прятаться среди изгоев и отбросов общества.

Агнес находит свою прелесть в цирковой жизни и проникается симпатией к его обитателям.

Особенно — к загадочному Стефану, чья безобразная внешность и звериная натура пугают окружающих не меньше, чем притягивают. Агнес не становится исключением: её влечёт к Стефану, как и его — к ней, но ему не нужна её красота.

Он, чудовище снаружи, знает, что она — монстр внутри.

Прошное не отпускает: мафия идёт по следу Агнес. Её муж, глава чикагского синдиката, жаждет вернуть женщину, которую считает своей собственностью.

Сможет ли Агнес дать отпор, сразившись за обрётённую свободу?

Содержание

Пролог.	4
Глава первая.	23
Глава вторая.	50
Глава третья.	71
Глава четвёртая.	96
Глава пятая.	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Пролог.

Стрелка топлива неотвратимо кренилась к нулю. Я попыталась вспомнить, сколько времени прошло с последней автозаправочной станции, и в этот самый момент мощность двигателя резко начала падать. Я крутанула руль, выворачивая на первое же ответвление от шоссе, и какое-то время машина ещё катилась по инерции, пока не остановилась совсем.

Грунтовка привела меня к подножью пологого холма, поросшего молодыми деревцами. Они почти не отбрасывали тень, и солнце нещадно впивалось в крышу машины, накаляя воздух внутри до температуры духового шкафа. Насколько я могла судить по положению солнца, — уже давно перевалило за полдень, но я не собиралась сидеть здесь, дожидаясь, пока иссохну до состояния мумии, как, впрочем, и ночевать в машине на таком открытом месте.

Я стянула с шеи шелковый шарф, промокнула им пот со лба и расстегнула несколько пуговиц на блузке. Стало немного легче. От мысли, что прежде меня осудили бы за подобную «вольность», иссохшие от жары губы сами собой сложились в улыбку. Помада сбилась комками в уголках рта, и, задумчиво подковырнув её ногтем, я слизнула их с кончиков пальцев. В желудке было пусто, но куда сильнее меня мучила жажда. Опустевшая ещё час назад бутылка воды ва-

лялась на пассажирском сидении.

«Хорошо, Агнес, — подумала я, — и что ты собираешься со всем этим делать?»

Впору было заплакать, но вместо этого я стала собирать всё, что может мне пригодиться: проверила бардачок, сгребла с панели пачку сигарет, зажигалку и мелочь, оставшуюся со сдачи на автозаправке. Пересчитав монеты в ладони, я заключила, что мое положение хуже, чем бедственное. Я никогда не ездила на рейсовых автобусах, но догадывалась, что этих жалких грошей не хватит, чтобы оплатить проезд. В своё время я постеснялась бы оставить такие чаевые официанту в ресторане, сочтя их унижительными.

Теперь эти крохи были всем, что у меня осталось.

И где я, кстати, собираюсь взять этот самый рейсовый автобус?

Я три часа гнала по шоссе, и мне не попалось ни одного населённого пункта или чего-то, напоминающего остановку. Начнём с того, что я имею смутное представление о том, как они выглядят. Я впервые в такой глуши, впервые так далеко от дома.

Я вытащила из багажника чемодан и скрипичный кофр, и, прежде чем захлопнуть крышку, швырнула внутрь ключи от машины. Намотав шарф на голову, чтобы не словить солнечный удар, я побрела обратно к шоссе. Выбора не было. Мне всё равно стоило избавиться от этого автомобиля — он привлекает слишком много внимания, да и по номерам меня

легко отследить, если *они* подключат к делу полицию. Не сомневаюсь, что копы уже меня ищут. Но что-то подсказывает мне, что вместо тюрьмы меня ждёт самосуд. У *них* столько связей... в правоохранительных органах, в правительстве, в духовенстве, везде... Никто не позволит мне тихо доживать свой срок в тюрьме или принять заслуженное наказание на электрическом стуле. Не сомневаюсь, что *они* подготовят для меня что-то намного хуже. Куда хуже, чем быстрая смерть.

Воздух колыхался от жара над растрескавшимся асфальтом, а перед глазами плыли цветные пятна. Я расстегнула блузку почти до пояса, наплевав на все известные мне правила приличий. Хотелось снять её совсем, да и юбку тоже. Возможно, останься я в одной комбинации, у меня будет больше шансов остановить какую-нибудь машину. Была бы машина!

Ничего.

Только серая лента дороги, окружённая полями со всех сторон.

Только сейчас я поняла, как сильно измотана. В общей сложности я провела в дороге двенадцать часов, лишь ненадолго останавливаясь на заправочных станциях, чтобы залить бак и наспех проглотить кофе и сэндвич. Я не могла позволить себе тратить ни больше времени, ни больше денег. Знай я, как всё обернётся, обязательно подготовилась бы, скопила какие-то средства. Но я бежала, наспех побросав что-то в чемодан и прихватив только маленькую сумочку, с которой обычно выходила в кафе или за покупками.

Купюры, болтавшиеся в кошельке, предназначались для повседневных трат, а не для выживания в экстремальных условиях, и быстро иссякли.

Я устроилась на чемодане и пальцами оттирала придорожную грязь со своих туфель, когда где-то вдали раздался рёв двигателя. Встрепенувшись, я поднялась и выскочила на проезжую часть, чтобы водитель при всём желании не смог меня проглядеть. Вздывая облака пыли, ко мне приближался старый грязно-зелёный пикап. Убедившись, что он сбавляет скорость, я отступила с дороги. Водитель перегнулся через салон, распахивая пассажирскую дверцу.

— Леди? — приветствовал меня он.

В иных обстоятельствах я никогда бы не села в такую машину к такому неприятному типу. Его грязные волосы свисали шторками вдоль лица, возраст которого не поддавался определению. Редкая бородёнка выглядела так, будто он только-только вступил в пубертатный период, но грубая красная кожа, местами полопавшаяся белесой плёнкой, утверждала, что он куда старше. К нему идеально подходило грубое слово «деревенщина».

«О, Агнес, серьёзно? — осадила я себя. — Не в твоём положении задирать нос».

— Извините, сэр, — выпалила я, — вы не могли бы меня подвезти до ближайшего населённого пункта?

— Полезай, — и минуты не сомневаясь, ответил он.

Я вскарабкалась на высокую подножку, поставила чемо-

дан и кофр у ног и устроила сумочку на коленях. Так мне было спокойнее, хотя она почти не защищала от сальных взглядов, которыми наградил меня мой внезапный спаситель. Кажалось, что моя юбка вдруг стала прозрачной, и он видит всё, что под ней.

— Чудно, я как раз туда и еду, — шепеляво сказал он, вдоволь обшарив меня глазами, прежде чем тронуться с места.

Я решила, что меня устроит любое «туда». Я избегала крупных городов, но в маленьком смогла бы перевести дух и придумать, что делать дальше. Если это совсем дыра, я затеряюсь, найду работу, любую работу, и скоплю денег на следующий рывок. Впрочем, это было наивно. Меня найдут везде. Только в салоне своей машины, среди полей и лесов, я и чувствовала себя в относительной безопасности. Автомобиль, к сожалению, уже не продолжит путешествие вместе со мной. Осталась только я.

— У леди проблемы? — полюбопытствовал мужчина.

О, тут он попал в точку! Но не нужно обладать недюжинным интеллектом, чтобы догадаться, что девушка, торчащая одна посреди шоссе, попала в неприятности. Я всё равно не собиралась исповедоваться первому встречному.

— Мы поссорились с моим женихом, — сказала я. — Он высадил меня и уехал.

— Козёл, — прокомментировал мой попутчик. — Куда? Я неопределённо пожала плечами, ведь у меня не было

вменяемого ответа на этот вопрос. В бардачке моего автомобиля не имелось даже карты, так что я имела смутное представление, где нахожусь, и какие здесь есть населённые пункты поблизости. Я просто ехала вперед, всё дальше от Чикаго на юг. Положение солнца не служило подсказкой: география не входила в сферу моих интересов. Мой мирок был крошечным и ограниченным. Никто не позволил бы мне расширить эти границы. Я сделала это сама, когда жить в золотой клетке стало невыносимо.

И мир снаружи оказался просто невообразимо огромным. — Не дело, — пробормотал себе под нос мужчина, — бросать такую хорошенькую леди.

На этом разговор иссяк сам собой. Я наблюдала за полями, проносящимися мимо, но была слишком напряжена, чтобы задремать, созерцая это монотонное зрелище.

Наконец впереди показались очертания городка — маленького, как я и предполагала. Я взволнованно заерзала на сидении, украдкой потирая друг о друга вспотевшие бёдра. Однако, чуть не доезжая до таблички с названием населённого пункта, мужчина вдруг взял левее. Пикап запрыгал на ухабистой дороге. Я проводила город взглядом, холодея внутри. Ничего хорошего такой поворот не предвещал. Вскоре высокие стебли кукурузы перекрыли нам обзор. Я видела только её: нежно-зелёные початки, и жесткие стрелчатые листья. Всё это время я думала, как задать вопрос.

— Извините, — нашла я, — разве вы едет не в город?

Мужчина молчал. Я чуть подвинулась в сторону дверцы, уже готовая прыгать на ходу и искать спасения в зарослях, но, предвосхищая мои намерения, водитель щелкнул кнопкой блокировки дверей.

— Эй... — начала я, но так и не успела закончить мысль.

Пикап вырулил к покосившемуся деревянному дому, самому уродливому, что я когда-либо видела в жизни. В опущенные окна мигом хлынула гнусная аммиачная вонь, источаемая испражнениями скота, плотным ковром покрывающими пространство перед зданием. Пустой желудок сжался, и на меня накатил приступ дурноты.

— Пожалуйста, — выпалила я, — отвезите меня...

— Тебе тут понравится, принцесса, — улыбаясь, сказал водитель, — не капризничай.

Когда он оскалил рот, я заметила, что у него не хватает пары передних зубов. Вот и объяснение специфического говора! А я-то была уверена, что просто все жители глубинки так разговаривают.

— Пожалуйста, — повторила я.

Словно наказывая меня за мои высокомерные размышления в адрес ему подобных, водитель продемонстрировал, что вовсе не собирается вести со мной беседы. Его потная рука приземлилась мне на грудь и, скомкав блузку в кулаке, дёрнула на себя. Ткань треснула, а пуговицы посыпались на пол. Я рефлексивно замахнулась для пощечины, но, перехватив мою кисть, мужчина пригвоздил её к приборной панели.

Пальцы хрустнули, и я взвыла от боли. Рассудив, что у меня иссякла воля к сопротивлению, мужчина продолжил рвать мою одежду. Лямка комбинации лопнула, оголяя светлый бюстгальтер. Он почти ничего не скрывал: соски бесстыдно просвечивали через прозрачную ткань. Мужчина принялся ощупывать мою грудь, словно врач.

Я не сдалась, а собиралась с силами для решительных действий. Почувствовав на своей ключице чужое дыхание, я замерла, аккуратно расстегивая сумочку свободной рукой.

Выстрел, прогремевший в салоне, оглушил меня, и какое-то время я сидела, плотно зажмурив глаза, и дожидалась, пока слух восстановится. Когда гул затих, а до меня донеслись кудахтанье кур и шелест кукурузы, я разлепила ресницы, слипшиеся от крови и ошметков чужих мозгов. Моя одежда и так была безнадежно испорчена, но теперь её всю покрывали розоватые сгустки и красные капли. Меня затошнило, и, высунувшись в открытое окно, я исторгла из себя всю воду, чудом уцелевшую в организме в такую жару.

«А это уже входит в привычку, да?» — мрачно усмехнулась я про себя.

Перегнувшись через отяжелевшее тело, лишившееся половины головы, я разблокировала двери и вывалилась на улицу. От душного воздуха и остатков желчи заныло горло. Я огляделась и прислушалась.

Кажется, мне повезло. В ином случае, кто-нибудь бы уже примчался на звук выстрела с дробовиком наперевес. Мне

стоит быть благодарной этому несчастному, что он предпочитал уединение. Значит, и следить из окна за мной никто не может.

Я выпуталась из остатков блузки и комбинации, оставшись в бюстгальтере и юбке. Скомкав ткань в комок, я стала отчищать ей кожу и волосы, расхаживая туда-сюда. Это помогло мне хоть немного собраться с мыслями.

Я не могу его бросить. Если *они* идут по моему следу, то, обнаружив тело, тут же поймут, что я здесь была. Мой пистолет был изготовлен на заказ, а на них работают люди, способные провести самую современную баллистическую экспертизу. Они узнают личность убитого и станут искать его пикап, а мне жизненно необходим новый транспорт. С ним у меня куда больше шансов.

Выходит, придётся забрать труп с собой, чтобы утопить в реке или озере. Мне всё равно не по силам вырыть одной достаточно глубокую яму. Придётся этому типу пока полежать в кузове без погребения, а там мы с ним попрощаемся. Я обязуюсь произнести достойную эпитафию. Могу даже исполнить по нему «Реквием».

Он не услышит, да и вряд ли смог бы оценить оказанную почесть по достоинству.

«Стыдно, Агнес, — пожурила я себя, — быть такой высокомерной».

Я сняла чулки, пояс и комбинацию и переоделась в чистое шифоновое платье, в котором стало не так жарко. Чистая одежда меня приободрила, хотя на лифчике остались крошечные розовые разводы, о происхождении которых было лучше не думать. Предположив, что ошмётки есть и в волосах, я смотала их и спрятала под шляпку. Грязные вещи отправились к мертвецу под брезент в кузове пикапа.

Я знаю, как опасно оставлять улики, хотя предпочла бы не знать.

Отчистив заодно и салон, я перезарядила пистолет и, спрятав его обратно в сумочку, продолжила свой путь, но уже не по шоссе, а по маленьким дорогам, петляющим среди полей. Мне не хотелось бы попасться копам с моим специфическим грузом. В город соваться было глупо и опасно – вдруг там кто-то узнает эту машину и поинтересуется, куда делся её хозяин?

К счастью, в пикапе нашлась и карта местности, и хоть она мало, что мне сообщила, я примерно прикинула, где здесь есть крупный водоём. Если я правильно сориентировалась в пространстве, двигаться нужно на восток. Там я смогу сбросить балласт и помыться. Купание в неположенных местах никогда не входило в перечень моих предпочтений, но моя безгливость отступила перед мыслью, что я всё ещё ношу на себе останки этого несчастного, как и память о его прикосновениях.

Пока я петляла среди кукурузы, солнце успело сесть. Тени

удлинились, а заросли, окружающие узкую дорогу, стали выглядеть зловещим лабиринтом. Стрельчатые ветви растений шлёпались по бортам пикапа, вынуждая меня нервно озираться по сторонам. В тишине, прерываемой только надсадным гудением мотора, этот звук казался недобрым предзнаменованием. Усталость и голод накладывали свой отпечаток. Глаза слипались. Я не могла вспомнить, когда в последний раз спала.

Немудрено, что я едва не сбила какое-то крупное животное, вынырнувшее из кустов. Фары ненадолго вырвали из тьмы тело, покрытое серой шерстью, и я испуганно крутанула руль. Я не успела разглядеть, что это было, но лишь доля секунды отделила меня от столкновения с этим существом. В следующее мгновение пикап, слетев с дороги, уже резал носом заросли, проталкиваясь через кукурузу, словно сквозь волны зелёного моря. Я запаниковала и потеряла управление. Машина вдруг ухнула куда-то вниз — в неглубокий овраг, пролегший за полем. Меня подбросило на месте, и я чудом успела закрыть голову руками, падая на рулевое колесо. Удар пришёлся на локти. Железо завывало, сминаясь, будто мы с автомобилем одновременно издали стон боли.

«Ещё лучше!»

Пикап встал кверху задом и заглох. Под собственным весом тело хозяина машины скатилось вниз и навалилось на стекло. Мне показалось, что его бледная рука пытается про-

никнуть в салон, чтобы ухватить меня за горло.

Я вскрикнула и повернула ключ зажигания, но ничего не произошло. В двигателе что-то защелкало, будто там завелось крупное насекомое. Из-под капота повалил дым, белый в свете последней уцелевшей фары. Кажется, автомобиль решил отыграться на мне за то, что я прикончила его хозяина.

— Но я не виновата! — воскликнула я, зная, что оправдания ничем не помогут. — Я защищалась!

Машина отказывалась заводиться, и все мои попытки её реанимировать ничего не дали. Даже если бы я хоть немного разбиралась в механике, я не смогла бы использовать эти знания в такой темноте.

«Бог с ним, с пикапом!» — решила я.

Мне нужно убраться отсюда, пока никто не пришёл на шум. Остается только надеяться, что то создание, из-за которого я оказалась в этой ситуации, — собака, а не койот. Я никогда их не видела, но слышала, что с ними лучше не связываться. Для полного счастья мне не хватало лишь напороться на голодного дикого зверя. Патронов у меня осталось даже меньше, чем денег.

Морщась от боли в ушибленных руках, я повесила кофр на плечо, и, держа сумочку с револьвером наготове, подобрала чемодан. Спина заныла от веса. Туфли мгновенно засосало по щиколотки во влажную, рыхлую грязь, и я тут же пожалела, что не оставила немногочисленные пожитки в своей машине. Или дома? На что я рассчитывала? Как скрипка или

дорогие нейлоновые чулки могут пригодиться мне в жизни беглянки?

Я брела во мраке, отбиваясь сумочкой от кустов и вздрагивая от каждого шороха.

«Этот койот, он ещё где-то здесь?»

Когда впереди забрезжил свет, мое сердце ухнуло в пятки. Мне хотелось заплакать от счастья. И хотя силы почти оставили меня, я прибавила шаг, преодолевая оставшееся расстояние до цели.

Свет источали несколько прожекторов, установленные на крышах грузовиков, между которыми сновали неясные тени. Я почувствовала густой запах машинного масла и какой-то стряпни, отчего пустой желудок, кажется, вогнулся внутрь. Спазм заставил меня сбавить скорость, и я выпустила чемодан, закачавшись от резкого приступа головокружения.

— Мисс?! — воскликнул кто-то, кого я уже не могла видеть, падая в темноту. Тело меня предало, но я долго держалась. Я проделала длинный и трудный путь. Я оправдала себя тем, что вполне заслужила минуту слабости.

Очнувшись, я увидела перед собой стол, заваленный какими-то бумагами, и, принявшись торопливо озираться по сторонам, не смогла разобраться, где нахожусь. Помещение было тесным, длинным и узким, и все его стены сплошь покрывали пёстрые афиши. На вешалке в углу громоздились вычурные одежды, словно это — театральная примерная. Моим вниманием завладело обилие перьев, пайеток и

бархата. Засмотревшись на костюмы, я не сразу заметила, что не одна. Впрочем, в том не было моей вины: человек за столом был таким крошечным, что почти полностью скрывался за нагромождением макулатуры. Обойдя стол, он оказался в моём поле зрения.

«Карлик», — изумлённо подумала я.

— Здравствуйте, мисс, — поприветствовал меня он, галантно отсалютовав мне цилиндром, что делал его хоть на несколько дюймов выше. Я успела увидеть лысую голову, испещрённую некрасивыми шрамами. Но, несмотря на это уродство и малый рост, у незнакомца было приятное лицо с большими голубыми глазами. Как мне показалось, он смотрел на меня с состраданием.

— Где я? — пролепетала я. — Что это за место?

— «*Vice Versa*», — объяснил карлик, — мы странствующие артисты, мисс. Я — Густав Вильгельм Ланг, директор труппы. Вы попали в беду?

Услышанное расставило всё по местам: конечно, куда я ещё могла угодить, убегая от прошлой жизни, с покойником в кузове пикапа, как не в бродячий цирк?! Впору было рассмеяться, но я испугалась, что любезный карлик воспримет это на свой счёт, а обижать его мне не хотелось. Я слышала немало страшных историй о таких людях. Куда больше, чем о койотах.

— Я... да, моя машина слетела с дороги и застряла в овраге, — пробормотала я. Опомнившись, я добавила, протянув

руку: — Меня зовут Агнес О'Брайан.

На всякий случай я предпочла использовать девичью фамилию.

Карлик сжал мои пальцы своей маленькой рукой. Его ладонь была в половину моей, но пожатие вышло крепким. Я рефлекторно поморщилась, вспомнив, что именно эта моя рука пострадала от встречи с приборной панелью, когда до меня стал домогаться хозяин пикапа. Крошечный человек не спешил выпускать мою кисть, разглядывая её с любопытством.

— Да, — проговорил он, — мои люди слышали грохот и уже нашли ваш автомобиль, но до утра ничего не смогут сделать. Завтра мы отбываем, но я пошлю кого-нибудь, чтобы вам помогли. Пока можете остаться здесь.

От столь щедрого предложения я глупо распахнула рот, но ужас был сильнее удивления внезапной доброте незнакомца. Если они нашли машину, то нашли и то, что лежит в кузове?

— Спасибо, очень мило с вашей стороны, — выдавила я, — но я не хотела бы вас стеснять... Вы не обязаны...

— Полноте, мисс, — оборвал меня карлик, — мы не звери, чтобы выгнать ночью на улицу деву в беде.

Сказав это, он испытующе посмотрел мне в глаза, и выражение его лица стало озорным и каким-то хитрым. Будто он ждал опровержения — раз он уродец, командующий, надо думать, такими же уродцами, то меня обязаны рассмешить его слова. Многие люди считают, что они — хуже зверей, но

я на своей шкуре убедилась, что внешность бывает обманчива. Никто из тех, кто ищет меня, чтобы убить, не отмечен печатью уродства.

Наоборот, он предпочитал окружать себя самыми достойными. Достойными, по его меркам.

— Чем я могу отблагодарить вас за доброту? — спросила я.

Карлик махнул рукой.

— Нет, так не подойдет! — возмутилась я. — Быть может, я что-то могу для вас сделать? У меня...

У меня больше нет всех тех денег, которыми я прежде бездумно швырялась направо и налево. У меня ничего нет. Кофр со скрипкой, чемодан с одеждой и револьвер в сумочке — едва ли заинтересуют странствующих артистов. Мне нечего им предложить.

— Подождите, — опомнилась я, — вы сказали, что завтра уезжаете? Куда вы направляетесь?

— В Спрингфилд, Миссури, — ответил он.

Я кивнула и прикусила губу. Полопавшаяся на жару кожа треснула, и я почувствовала во рту привкус крови, что придало моменту больше драматизма. Это — судьба! Вот он — мой шанс убраться подальше от места, где я умудрилась нажить новые неприятности. Не в машине, груженной трупом, а среди них. Они же постоянно путешествуют! Даже если мне позволят добраться в их компании до следующей остановки — это уже куда лучше, чем ничего.

Имявно не придёт в голову искать меня в бродячем цирке!
Это надолго собьёт их со следа!

— Вы можете взять меня с собой в Спрингфилд? — взволнованно спросила я, — у меня нет денег, но я буду работать на вас! Я играю на скрипке, я могла бы...

— К сожалению, у нас достаточно своих музыкантов, — отрезал карлик, — мы не можем позволить себе больше артистов, чем есть. Наше дело приносит скудную прибыль.

— Что угодно! — не сдалась я. — Я готова делать любую самую грязную работу! Я...

Он снова взял меня за кисти, и, перевернув их вверх ладонями, прочертил линию по моим пальцам, словно предсказывая судьбу. Меня смутило его прикосновение, но скорее вложенный в него смысл, чем вторжение в личное пространство. Я и сама знала, что этим хочет сказать маленький человек.

— Этими нежными руками? — усмехнулся он. — О, мисс, сомневаюсь, что вы когда-либо держали в них что-то, тяжелее скрипичного смычка.

Мне захотелось ответить, что он ошибается. Как минимум, я держала в них пистолет, и убила уже двоих. Быть может, странствующим артистам на их представлениях пригодится вышибала? Я дважды смогла уцелеть. Обеспечила свою безопасность, обеспечу и чужую. Увы, мне не хватило храбрости это сказать.

— Вы правы, — признала я, — но я справлюсь! Моё поло-

жение по-настоящему бедственное. Мне пришлось сбежать из дома, где со мной дурно обращались. Я не могу туда вернуться. Дайте мне шанс... Я вас не разочарую...

Карлик нахмурил густые брови, раздумывая над моими словами. Я замерла, ожидая вердикта. Наконец, он сказал:

— Впрочем, есть одна работёнка, которой брезгают мои подчинённые.

«Хорошо», — утешила я себя, предчувствуя особенно мерзкое предложение, которое мне, избалованной девчонке, проведшей всю жизнь в достатке и роскоши, даже придумать было трудно. Разве что... Нет, он не смотрел на меня с похотью, а я разбиралась в таких взглядах. Откуда-то я уже знала, что он не предложит греть его постель.

— Сможете ли вы управиться с мясницким ножом? — спросил карлик, склонив голову к плечу. — И ручной пилой?

— Да, конечно, — выпалила я.

— Вот и славно, мисс О'Брайан, — похвалил меня он, — тогда считайте, что получили должность кухарки. Начать можете уже сегодня, ведь, насколько мне известно, вы привезли с собой ужин, а наши звери голодны.

— Ужин? О чём вы? — растерялась я.

Он выпустил мою руку и отступил.

— В кузове вашего пикапа, — подсказал он. — Управитесь до рассвета, мы возьмём вас с собой.

Я прикрыла глаза, осмысливая его слова. К горлу подступила тошнота, и мне огромных сил стоило усмирить этот при-

ступ и удержать себя в руках.

В голове стучало: они знают.

Посмею отказаться, они сдадут меня копам. Соглашусь, если это, конечно, не злая шутка озлобленного на весь белый свет циркового уродца — дадут шанс.

Особого выбора не было.

— Хорошо, — твёрдо сказала я, — я готова приступить.

Глава первая.

Я была старшей из четырёх сестёр.

Когда мне было тринадцать, наша мать умерла, пытаясь произвести на свет хоть одного мальчика, и вскоре отец промотал состояние, оставшееся от её родни. Для нас наступили тяжёлые времена. Чтобы расплатиться с долгами, мы были вынуждены распустить всю прислугу, продать дом и перебраться в крошечную квартирку в нищем районе Чикаго.

Пока отец где-то пропадал, пытаясь наладить наше финансовое положение, я заботилась о сёстрах, неустанно капризничающих из-за стеснённых условий существования.

Наверное, в тот момент я их и возненавидела: мне тоже приходилось несладко, но я молча терпела и не жаловалась.

Я тоже привыкла к другой жизни и считала, что достойна лучшего. С самого детства я осознавала разницу между собой и другими девочками: во мне проявилась порода матери, а мои сёстры унаследовали короткие ноги отца, его лишний вес, розовую кожу и рыбы глаза. Подле них я казалась статным лебедем, затесавшимся в курятник, и что было хуже всего — лебедя обязали прислуживать неблагодарным, вздорным курам. Наверное, и они меня ненавидели, а потому изводили с особенным упоением.

Мама часто повторяла, что с моей внешностью мне уготована слава в Голливуде. При жизни она не скупилась на моё

образование: я целыми днями курсировала между уроками танцев, музыки, сценической речи и другими дисциплинами, что, как она считала, пригодились бы в моём блистательном будущем.

Будущее не наступило.

Не стало матери и денег, а вместе с ними закончились и занятия. Я всё равно до последнего отказывалась продать свою скрипку, хоть мне и было стыдно прикасаться к ней руками, огрубевшими от работы по дому.

Она была воспоминанием о хороших деньках и одновременно воплощением мечты о жизни, где у нас снова будет всё. В кофре, хранящемся под кроватью, были сложены фотографии женщин, на которых я стремилась быть похожей, — Греты Гарбо, Катрин Хэпберн, Риты Хейворт, Ланы Тёрнер и других небожительниц. Я мечтала вписать своё имя в галерею этих имён и когда-нибудь, попивая мартини на роскошной вилле, вспоминать этот трудный период, как нечто настолько далёкое, будто это было с кем-то другим.

Каждый раз, стоило мне оказаться дома одной, а случилось это нечасто, я разглядывала снимки голливудских красавиц, а после бралась за скрипку.

Этот день был одним из таких дней. Я переделала все дела по хозяйству, и у меня оставалась пара часов до возвращения сестёр, ушедших гулять с подругами, такими же глупыми, как они сами. Возможно, даже больше, ведь они постоянно задерживались, наплевав на все запреты, из-за чего мы

частенько ругались. Каких только слов я не слышала в свой адрес, усаживая младшеньких делать уроки!

Отец в это не вмешивался, и все шишки сыпались на меня. Без них мне было бы куда лучше.

Я испытывала непередаваемое наслаждение от одиночества. Увлёкшись простенькой пьесой, я не услышала посторонний шум. Прятать скрипку было поздно: дверь отворилась, и вошедший застал меня с ней в руках. К счастью, то был отец, а не сёстры, любившие измываться над моей, как они утверждали, глупой и несбыточной мечтой однажды стать известной — не то скрипачкой, не то актрисой.

— Потише, пожалуйста, у меня гости, — распорядился отец.

— Да, сэр.

Я послушно стала устраивать инструмент в кофр, когда в дверном проёме появился ещё один человек.

Этот незнакомый джентльмен выглядел слишком respectable для нашей убогой квартирки: на нём был отличный костюм, более подходящий для похода в оперу или ресторан, ботинки, не знавшие грязи, шляпа и золотые часы. Его чёрные глаза с любопытством взирали на меня, сконфузившуюся от внезапного вторжения посторонних в глубоко личную часть моей жизни.

— *Che meraviglia!*— проговорил гость. — Кто эта прекрасная юная леди? Как твоё имя, *bambina*?

— Это моя старшая дочь — Агнес, — за меня ответил

отец. Мне показалось, что он разволновался пуще моего. Должно быть, он привёл друга или коллегу, или, не дай Бог, начальника, рассчитывая, что дома никого нет, а наткнулся на меня с моей скрипкой. Да и комнату мы делили с сёстрами, и одного взгляда на её скромное убранство было достаточно, чтобы сделать неутешительные выводы об уровне нашей жизни.

Но незнакомца это ничуть не смутило, хотя я на его месте побрезговала бы даже ступать на этот облезлый пол своими идеально начищенными ботинками. Он приблизился ко мне и, ухватив за подбородок, повертел моё лицо из стороны в сторону.

— *Guarda che bellezza... una bambina così non si vede tutti i giorni*, — пробормотал он себе под нос, пристально меня разглядывая. — Будешь любезна сыграть для нас, красавица?

Краем глаза я заметила, как отец предостерегающе качает головой.

— Простите, сэр, — тихо сказала я, — к сожалению, я только учусь и боюсь, что моя игра пока не способна доставить удовольствия слушателю.

— Очень жаль, — изрёк незнакомец.

Чёрные глаза сузились в щёлки. Я подумала, что мне стоило выполнить простую просьбу гостя. Скорее всего, он счёл меня ужасно невоспитанной, хотя я такой не была. Мама успела привить мне манеры, достойные леди, чего нельзя было сказать о младших сёстрах, бывших ещё слишком малень-

кими на момент её смерти.

Лишь потом я узнала, как ошибалась в своих наивных предположениях.

Этот человек не привык получать отказы. И когда он *попросил* у отца меня, тому пришлось согласиться.

Зато мы снова разбогатели.

Моя свобода стоила дорого.

«Вот она, твоя свобода», — мрачно подумала я, обходя по кругу труп, накрытый брезентом.

И хоть ткань местами пропиталась кровью и плотно прилегала к телу, обрисовывая его очертания, пока она была просто куском ткани на грязном полу. Я знала, что под ней, но, чтобы сдернуть её, мне понадобилось основательно собраться с мужеством, а время шло.

Мне стоило быть благодарной — подчинённые карлика «любезно» доставили мертвеца в лагерь, избавив меня от необходимости волочь его на себе через кочки и кусты в полной темноте. Пара хмурых мужчин сопровождали меня сюда, выдали нож и пилу, и оставили в одиночестве.

Впрочем, не стоит исключать, что сейчас они наблюдают за мной сквозь крошечные прорезы в шатре и надрывают животы от смеха:

«Поглядите на неё, городскую фифу, заявившуюся в бродячий цирк! Она сказала, что готова делать любую рабо-

ту! Эта глупая кукла вот-вот сбежит, обливаясь слезами, лишь бы только не марать своих нежных рук!»

Эти мысли подстегнули меня к действию. Я сделала глубокий вдох, присела на корточки, подсунув подол платья под колени, чтобы никто не мог украдкой полюбоваться моим бельём, и отбросила ткань в сторону.

Хозяин пикапа выглядел даже хуже, чем в последний раз, когда я его видела. Моё неаккуратное управление автомобилем не пошло ему на пользу: вероятно, при падении в овраг уцелевшая нижняя челюсть несчастного вмялась в горло, и теперь окровавленные остатки зубов торчали из порванной кожи на шее. А он и раньше не был красавчиком!

Меня замутило, но я приказала себе держаться. Если я буду рассиживаться здесь, «любуюсь» человеком, которого лишила жизни, то, скорее всего, тоже долго не протяну. Цирк уедет без меня, а за мной явятся *они*. Не сомневаюсь, что они уже нашли мой «Крайслер Империал», брошенный у дороги, и сейчас прочёсывают окрестности. Отстреленная голова покажется мне актом милосердия.

Они способны на вещи куда страшнее.

Как скоро *они* будут здесь?

Я подняла руку мертвеца, согнутую под неестественным углом, и обрушила на запястье грязное лезвие мясницкого ножа. Оно перерубило окоченевшие ткани и суставы, но не справилось с костью. Вот для этого мне дали пилу. Представив, что под её зубьями не человеческая конечность, а кусок

древесины, я налегла на ручку со всей мочи. Вперёд — назад. Ничего сложного. Давай, девочка.

Что-то хрустнуло, и пила упёрлась в землю. Окрылённая успехом, я схватила кисть покойника и подняла вверх, чтобы на неё падал свет тусклой лампочки. Смотрите, все! Я смогла. И плевать, что это только крошечная часть тела, которое мне ещё предстоит разделать до конца.

«Господи!» — подумала я.

Я резко осознала, что в моей руке лежит настоящая чужая рука, а не какая-то игрушка или театральная бутафория. Холодная, чуть липкая, мерзкая. В моей руке, по-прежнему увенчанной обручальным кольцом.

Отшвырнув конечность в сторону, я принялась дёргать за кольцо, пытаясь его снять, но оно намертво сидело на пальце, опухшем после удара о приборную панель пикапа. Словно это кольцо — моё проклятье, вечное напоминание, кому я принадлежу.

— Мисс? — сказал кто-то, и, застигнутая врасплох, я завизжала, как маленькая девочка.

Подняв глаза на говорившего, я порадовалась, что крикнула прежде, чем его увидела, и был небольшой шанс, что он не воспринял столь бурную реакцию на свой счёт.

У входа в шатёр стоял ещё один уродец, в сравнении с которым карлик, пожалуй, представлял из себя вполне обыденное явление. И пусть я никогда с ними не общалась, но я видела маленьких людей и в Чикаго. Но великанов — никогда.

Макушка человека почти упиралась в купол шатра, и, наверное, если бы я поднялась на ноги, то и при своём росте выше среднего, едва ли достала бы ему головой до пупка. Я не собиралась вставать и приближаться к нему. Задержав дыхание, я не могла оторвать взгляд от его единственного глаза, расположенного прямо по центру переносицы под низко нависшим лбом. Этот глаз тоже был прикован ко мне.

— Извините, — пробормотал огромный человек, — Джим не хочет вас напугать. Джим хочет помочь.

— А разве вам разрешено мне помогать? — только и могла сказать я.

Его рот растянулся в улыбке до ушей, обнажая неровные, чуть гниловатые зубы. В целом, если не обращать внимания на исполинский рост и *глаз*, человек казался безобидным. Из-за высоко натянутых брюк, нелепых красных ботинок, подтяжек и галстука-бабочки он невольно напоминал большого ребёнка. Очень-очень большого ребёнка. Я задумалась, сколько людей нужно, чтобы подстричь эту гигантскую голову. Редкая чёлка, зубчики которой свисали на выпуклый лоб, была до безобразия милой. Кто-то явно над ней поработал!

— Мисс не говорить никому, — выдал великан, приближаясь ко мне, и я не поняла — вопрос это или утверждение. Но на всякий случай кивнула.

— Я буду очень вам благодарна, — призналась я и была вынуждена напомнить себе о манерах. — Меня зовут Агнес

О'Брайан. А вас Джим, верно?

Великан энергично затряс головой, а после подобрал нож и принялся за дело. Чтобы не оставаться в стороне, пока огромный добрый самаритянин делает мою работу, я стала орудовать пилой, пытаюсь отделить руку в сгибе локтя.

— Джим не любить мертвяков, — поведал мне великан. — Джим не делать это, но Джим думать, что хозяин плохо поступать, что заставлять леди делать это. Леди маленькая. Леди трудно.

— Не такая уж я и маленькая, — нервно хихикнула я, подивившись тому, что вообще способна смеяться в такой ситуации. — Я считаюсь довольно высокой. Просто ты... большой.

— Джим большой, — подтвердил он, тоже улыбнувшись. — Джиму трудно быть большим. Потолок низкий. Голова болеть. Люстра падать. Все ругаться.

— Почему бы тебе не обзавестись каской? — наивно спросила я. Великан удивлённо выпучил на меня свой единственный глаз. Он был карим, и из-за недостатка освещения радужка совсем слилась со зрачком, делая Джима похожим на зверушку из детского мультфильма.

Очень большую зверушку.

— Каска, — повторил он.

Я похлопала себя ладонью по затылку.

— Ты не знаешь, что это? — изумилась я. — Это такой предмет, похожий на шлем, чтобы не было больно, когда уда-

ряешься головой. Их носят спортсмены, строители и каскадёры.

— Каска, — с пониманием дела произнёс Джим. — Джим видеть каска, но Джиму каска не давать.

— Я раздобуду её для тебя, — брякнула я, не подумав, — за то, что ты мне помог.

— Добрая мисс, — обрадовался он и, оторвав мертвецу голень, протянул мне, видимо, в знак признательности. Я поморщилась от звука хрустнувших сухожилий и осадила себя за благородный порыв: «Где я, во имя всего святого, собралась добывать каску *такого* размера?»

Впрочем, обманутые ожидания моего большого «нового друга» были меньшей из моих проблем.

С Джимом дело пошло веселее, и довольно быстро хозяин пикапа был разделён на неравные фрагменты и запакован обратно в брезент, стянутый на манер мешка.

Я отряхнула руки и, оглядев себя, заключила, что отделалась малой кровью: крови как раз таки не было, но моё светлое шифоновое платье кое-где перепачкалось в грязи, пока я сидела на полу. В нынешних обстоятельствах глупо было беспокоиться о своём внешнем виде, но меня чрезвычайно позабавила мысль, что, занимавшись тем, чем я занималась, я умудрилась остаться практически чистой. В церкви, конеч-

но, не покажешься: туфли в земле, одежда помята, шляпку я потеряла по пути, да и волосы превратились в чёрт-те что, но всё равно не скажешь, что я только что «готовила» ужин для каких-то монстров.

Джим проводил меня до фургончиков с животными.

К счастью, большая часть членов труппы разбрелась по своим трейлерам, а остальные собрались на другом конце лагеря у костра. Мы видели его всполохи и слышали их голоса и пьяный смех, пока крались в темноте, словно воры. Великан двигался невероятно бесшумно для такого огромного существа, но всё время оглядывался: его трудно было не заметить.

Он вошёл со мной в первый фургон и, распахнув мешок, как заправский Санта-Клаус, сам принялся швырять конечности голодному зверю. К моему облегчению, и, пожалуй, разочарованию, оно выглядело совершенно обыденно: пара худых волков, облезлый тигр и медведь, когда-то, скорее всего, бывший белым, но сейчас скорее серый из-за грязи на шерсти. Последний оказался невероятно дружелюбным и, просунув морду через прутья решётки, ткнулся носом в ладонь великана.

Джим щёлкнул медведя по переносице и загоготал.

— Мишка, — сказал он. — Джим нравится мишка. Мишка нравится Джим. Мисс так не делать.

— Хорошо, — легко согласилась я.

Я и без того не испытывала рвения тянуться к дикому зве-

рю. Медведей я видела только в зоопарке, и то на приличном расстоянии. Я почувствовала смесь восторга и ужаса, стоя от него на расстоянии вытянутой руки. Прутья не производили впечатления надёжной преграды, если зверь вдруг переживает «нравиться» Джиму.

Сумочку с револьвером у меня изъял карлик, вероятно, пока я валялась в отключке, обнаружив внутри оружие. Он никак это не прокомментировал, сказав только, что мне лучше оставить все свои вещи в его трейлере «для сохранности». К несчастью, в своём положении я не осмелилась с ним поспорить. Вдруг он указал бы мне на дверь? Вернее, на кукурузное поле, где я могла бы слоняться со своим револьвером хоть целую ночь, пока не стала бы ужином для того койота.

Словом, жаловаться мне было не на что. Труп разделан, звери покормлены, и, вроде как, у меня есть отличный шанс дотянуть до утра, чтобы получить свои вещи обратно.

— Это всё? — уточнила я.

Фургон освещался только крошечной красной лампочкой под потолком, как в фотолаборатории. Света было недостаточно, чтобы рассмотреть, пуст ли мешок, но мне почудилось, что на дне ещё что-то лежит. Это меня настораживало.

Джим помотал головой и, взвалив мешок на плечо, выскользнул из фургона. На улице успело похолодать, и я попыталась угадать, который час, глянув вверх. Над нами простиралась матовая чёрная поверхность. Звёзд и луны не бы-

ло, как и признаков близкого рассвета. Выходит, ночь ещё в самом разгаре.

Великан медленно двинулся вдоль фургона с животными к следующему, стоящему на некотором удалении. Я побрела следом, ощущая, как с каждым шагом ноги наливаются свинцом. Тревожное предчувствие клубком свилось в животе. Я стоически вынесла надругательство над трупом, но едва сдерживала рвотные позывы теперь. Скорее всего, меня ещё не стошнило просто потому, что уже нечем. Но я не была уверена в этом до конца.

Стоило колючей ткани, заскорузлой от крови, ткнуться мне в ладонь — я сдалась.

Отвернувшись, я согнулась вдвое и упёрлась руками в колени. Как я и предполагала, в желудке ничего не осталось. Из рта протянулась ниточка слюны. Я сплюнула на землю и чуть не свалилась на это место лицом, когда великан вздумал похлопать меня по спине. Он, кажется, решил, что я поперхнулась!

Джим не позволил мне упасть. Он двумя пальцами сжал моё плечо, и я повисла в его хватке, словно бельё на верёвке.

— Мисс плохо? — заботливо пробасил он.

Я кое-как вернулась в устойчивое положение и выпрямилась. Великан выглядел виноватым. Его бровь комически выгнулась, в середине почти коснувшись зубчатой чёлки.

— Всё хорошо, — быстро сказала я. — Пойдём?

— Извините, мисс, — вздохнул он, — Джим нельзя. Сте-

фан запрещать Джим туда ходить.

Я не стала спрашивать, о ком он говорит, предположив, что ответ мне не понравится. Я уже познакомилась с карликом и великаном, потому догадывалась, что и остальные члены труппы являются не менее неординарными персонами. Меня сильнее беспокоило то, что таилось внутри фургона.

Вероятно, в первом были обычные звери, когда как здесь содержали монстров, под стать самим артистам. Какие невообразимо мерзкие и жуткие твари поджидают меня в темноте? Выберусь ли я оттуда живой? Что если это — заключительная часть испытания, которое мне нужно пройти, если я хочу получить свободу?

«Спрингфилд, Миссури, — напомнила я себе, — это достаточно далеко от Чикаго, чтобы затеряться».

Подзаработаю денег и двинусь дальше на запад уже сама по себе, без эксцентричных попутчиков, как мистер Ланг и его чудной зверинец. Я куплю себе карту, чтобы узнать, как мне попасть в Калифорнию. Там меня точно не найдут.

«Или однажды они увидят меня в какой-то киноленте и явятся на порог той самой виллы, о которой я наивно мечтала, будучи маленькой девочкой?»

— Что там такое? — вырвалось у меня, но Джим предпочёл прикинуться глухонемым.

Он настойчиво ткнул в мою руку мешком, и мне не оставалось ничего другого, кроме как взять его.

«Ладно, — решила я. — Была не была!»

Я вошла в фургон, и дверь за моей спиной с лязгом закрылась. Мрак поглотил меня. На минуту мне показалось, что я ослепла и оглохла. Темнота и тишина оказались такими плотными, что будто липли на кожу, мигом покрывшуюся потом от волнения. Обоняние, напротив, обострилось, и от резкого запаха голова пошла кругом. В моём представлении, он должен был быть другим — таким же, как в предыдущем фургоне: мускусным, животным, живым. Здесь же пахло чем-то химическим, словно я очутилась в больнице или морге, где все поверхности обрабатывали специальным раствором.

Если бы я что-то видела, наверное, у меня бы потемнело в глазах. Я пошатнулась и выронила мешок, неуклюже взмахнув руками в воздухе в поиске опоры. Кажется, мой организм снова решил сыграть со мной злую шутку, спасовав в самый неподходящий момент. Примерно прикинув, где находится дверь, я шагнула в ту сторону, протягивая пальцы во тьму, но они так и не достигли цели. Я различила слабый шорох за своей спиной.

— Эй, — закричала я, надеясь, что великан где-то поблизости и может меня услышать, — пожалуйста, выпустите меня отсюда!

В следующий миг что-то горячее сомкнулось на моей лодыжке и потянуло меня во тьму. Я шлёпнулась на живот, и потревоженный пустой желудок тихонько завыл, но этот звук проглотил грохот, производимый моим телом, проехавшим-

ся по металлическому полу.

Меня отволокли подальше от двери.

Я попыталась лягнуть нападающего, но промазала. Нога упала на пол, и меня оглушила боль в ушибленной коленной чашечке.

Кисть, локти, коленка. Количество травм, полученных за одни неполные сутки, увеличивалось и увеличивалось, но это всё равно и рядом не стояло с той болью, что мне порой приходилось выносить в Чикаго. Я её не боюсь. Я здесь, потому что не хотела больше это терпеть.

Только путь к свободе оказался... не менее неприятным.

— Нет! — воскликнула я. — Пожалуйста, не надо!

Что бы там ни таилось во тьме, оно не вняло моим мольбам. Оно пригвоздило меня к полу своим немаленьким весом, и в местах, где моя кожа была оголена, меня коснулось что-то мягкое. Мех! Правильно, меня же и отправили сюда, чтобы покормить ещё какого-то зверя. Но не собой же?!

И что это такое?

Медведь-гризли?

Гигантский волк, приятель гигантского инфантильного идиота, что бросил меня на произвол судьбы?

Я заорала во всю мощь голосовых связок, когда это создание вцепилось клыками мне в загривок, уверенная, что это — мой последний крик, и сейчас мне выдернут позвоночник, но у него явно были другие намерения. Клыки пробили кожу, а следом за обжигающей вспышкой боли вдруг

пришло странное умиротворение. Страх исчез, сменившись равнодушием к собственной участи. Я растеклась по полу, чувствуя, какими мягкими и неуклюжими становятся мои конечности, словно я — тряпичная кукла. Скорее всего, укус повредил какие-то нервные каналы и воспрепятствовал доступу кислорода в мозг.

«Выходит, я умираю?» — задумалась я, подивившись тому, как спокойно воспринимаю это открытие.

Значит, можно больше не бороться на свою жизнь, а лежать себе спокойно и не брыкаться, пока неведомый монстр поедает моё ещё тёплое тело.

Впрочем, я довольно быстро усомнилась в том, что меня собираются съесть.

Подол платья пополз вверх, а следом что-то оцарапало мою поясницу под резинкой трусиков. От давления шёлк треснул и расползся в стороны. Кожу пощекотала прижимающаяся к ней шерсть, и я невольно поёжилась, отметив, что тело не парализовано, и я ещё его чувствую. Сопротивляться не было сил, даже когда что-то горячее и скользкое толкнулось мне между ног, легко проникнув внутрь. Растяжение доставляло дискомфорт первые несколько мгновений, а потом мышцы подстроились, и стало вполне терпимо.

Мне уже не привыкать.

«Ну... *этот монстр* хотя бы не пытается выдавать себя за человека», — заключила я про себя, и не могла сдержать глухого смешка. Единственное, что меня огорчало, что не

с кем разделить своё неуместное веселье. Теперь ситуация казалась комичной, а не пугающей.

Есть ли разница, насилует тебя волосатая тварь на железном полу, или другая тварь на египетском хлопке в шикарной квартире?

Есть.

Сейчас я свободна, хотя это, конечно, не исключает того, что мне больно, стыдно и страшно.

Я заметила, что приступы истерического хохота сменились рыданиями, лишь когда давление чужой плоти исчезло, а меня перевернули на спину. Может быть, моя реакция на происходящее даже монстру показалась неадекватной. Словно утешая, по моей скуле прошёлся шершавый язык, слизывая дорожки слёз. От жара этого прикосновения мне почудилось, что моя кожа просто расплавится и стечёт с лица на пол. Я умолкла, но не сдержала жалобного скулежа, ощутив, как плоть существа снова входит в меня, уже куда мягче. Это было почти приятно. После нервного приступа наступило опустошение, и я расслабилась.

Я гадала, как *оно* выглядит, и способно ли видеть меня в темноте. Скорее всего, да, когда мне оставался лишь мрак, наполненный дыханием, прикосновения шерсти и учащающиеся фрикции.

Монстр погрузился в меня ещё раз и замер. Я почувствовала, как его орган пульсирует внутри. Пошевелив бёдрами, я попыталась найти нужное положение, чтобы и самой до-

стигнуть разрядки, но столкнулась с тем, что плоть существа сидит во мне так плотно, что я не способна сдвинуться и на дюйм. Несомненно, этот орган не был человеческим, но мысль об этом не пугала, а скорее интриговала. Ещё расширившись, он надавил на нужные точки, и я затрепыхалась под волосатой тушей, кончая.

И... всё прекратилось.

Тварь выдернула свой отросток, слезла меня и будто распустилась в темноте. Холод прошёлся по моей потной, разгорячённой коже, и я поёжилась. Бёдра стали липкими от жидкости, выплеснувшейся из меня, и, приняв сидячее положение, я позволила остаткам стечь на металлический пол, неуклюжим движением одёргивая подол платья.

— Эй, — хрипло позвала я, — ты ещё здесь?

«Что за глупый вопрос?» — тут же разозлилась я на себя. Конечно, оно здесь. Куда оно могло деться? Логично было предположить, что оно не понимает человеческую речь, раз предпочло сразу завалить гостью на пол и забраться ей в бельё, а не вести светские беседы! Такая линия поведения плохо вязалась с разумным существом. И мне явно стоило убраться отсюда, пока оно не надумало продолжить или всё-таки утолить мной и голод уже другого рода.

Я поползла в том направлении, где, по моим предположениям, должна была находиться дверь, пока не упёрлась лбом в холодный металл. Он источал всё тот же стерильный запах, как и всё здесь.

Из последних сил я забарабанила по преграде ладонью и, стоило двери открыться, кулём вывалилась наружу. В поле моего зрения нарисовалась пара крошечных ботинок, а чуть дальше другие — огромные и красные. Подняв глаза, я увидела перед собой карлика. В нескольких шагах от него стоял великан. Его единственный глаз был смущённо опущен к земле.

— Поднимайтесь, мисс О’Брайан, — бодрым голосом командовал мне карлик, — можете принять душ в моём трейлере. Вам он, надо думать, не помешает.

— Что... — вырвалось у меня.

— Добро пожаловать в семью, — провозгласил карлик и протянул мне ладонь.

Наверное, он хотел помочь мне подняться, но я проигнорировала этот галантный жест. Больше никакой речи о манерах быть не могло. Не после того, что я пережила.

— Да пошли вы к чёрту, — выпалила я.

Окружающие неустанно твердили мне, что у меня великолепная фигура, что подстёгивало меня безжалостно издеваться над своими сёстрами из-за их проблем с лишним весом. Принимая душ в трейлере Густава Ланга, я в кои-то веки поняла их чувства. Я могла быть худой, как жертва концлагеря, но в этой душевой кабине я всё равно ощутила се-

бя Гулливером в стране лилипутов. Она была такой узкой и тесной, что при малейшем неаккуратном манёвре я набивала себе новые синяки, а тело и без того ныло. Краны находились на уровне моих бёдер и оставили мне ещё пару отметин на долгую память. Однако эти эквилибристические этюды того стоили — после душа мне действительно стало легче.

Спасибо, что здесь вообще была вода, и даже горячая!

Я переоделась в чистое бельё, вельветовые брюки и водолазку, остро нуждаясь в том, чтобы максимально спрятать от глаз окружающих своё настрадавшееся тело. Я твёрдо решила, что сожгу прежние вещи, при первой же возможности.

Зачесав пальцами мокрые волосы, я глянула в маленькое зеркальце, так же, как и краны, приделанное очень низко, и заключила, что сейчас меньше всего похожу на Вивьен Ли, с которой меня часто сравнивали. Я походила на девушку, которую чуть не убили, потом чуть не изнасиловали, после чего она попала в аварию, расчленила труп и всё-таки пережила сексуальное насилие. Словом, я выглядела отвратительно, но, что хоть немного утешало: была бледной, как покойница, но при этом всё ещё живой.

Густав Ланг восседал за своим огромным столом и, покуривая трубку, изучал какие-то бумаги. В своём бархатном халате на восточный манер он напоминал пожилого аристократа, владельца старинного поместья. Очень маленького аристократа, владельца этого трейлера и проклятого цирка уродов.

Я присела напротив него, дожидаясь, когда он обратит на меня свой взор, и заметила на ближайшей ко мне половине стола поднос с едой, приборы и чайник с чаем. Присмотревшись к тарелке супа, я задумалась, какое происхождение у кусочков мяса, плавающих там. Не предложат ли мне в качестве завершающего этапа обряда посвящения испробовать хозяина пикапа?

— Не волнуйтесь, мисс О’Брайан, — словно прочитав мои мысли, изрёк карлик, — не все мы имеем специфические гастрономические предпочтения. Или простая курица недостаточно изысканна для вас? Что прикажете приготовить? Лобстера с коньячным соусом?

— Вы надо мной издеваетесь? — не сдержалась я, отставив тарелку в сторону, чем был крайне недоволен мой пустой желудок. — По-вашему, я могу есть после...

— О, к чему это кокетство? — чуть жёстче сказал Густав. — Вы явно не робкого десятка. Другая не явилась бы к нам с мёртвым попутчиком. Другая не...

— Хватит! — перебила я. — Другая не прошла бы ваше «испытание», вы собирались сказать? Ну спасибо! Я на это не подписывалась! Это...

— О, мисс О’Брайан, — карлик тепло улыбнулся, — хотите сигарету? Это поможет вам успокоиться?

Он бросил мне пачку «Lucky Strike» и бензиновую зажигалку. Я нервно вставила сигарету в рот, но закурить смогла далеко не с первой попытки, — руки сильно тряслись. Я

смысла воспоминания о пережитом со своего тела, но тошнотворные образы въелись в разум. Они так и оживали перед глазами.

— Само по себе ваше «задание» было ужасным, — пылко сказала я, — но то, что было в том фургоне...

— «То, что было в том фургоне», — будто задумчиво повторил карлик, снова опустив глаза к бумагам, — не являлось частью «испытания». Я бы назвал это «комплиментом от заведения».

— Что, простите?

— Видите ли, моя дорогая, многие леди готовы платить приличные деньги, чтобы пережить подобный опыт, — ласково протянул он, — а вы получили его совершенно бесплатно. Вам ведь понравилось?

— Ни в коем случае! — воскликнула я. — Это было омерзительно! Как кто-то вообще может хотеть *этого* по доброй воле?!

Густав засмеялся. Мне нестерпимо захотелось потушить сигарету в глазнице этого маленького психопата, чтобы уравнивать их с тупым, но безобидным Джимом. Хотя я сильно сомневалась, что безмозглый великан не был причастен к моему унижению. Он на самом деле умственно отсталый или прикидывался таким, чтобы надо мной поиздеваться?

Карлик хитро посмотрел на меня, и мне опять показалось, что он каким-то образом знает, о чём я думаю.

— Могут-могут. Если вы останетесь с нами, убедитесь са-

ми, — продолжал он. — Конечно, мы не оказываем эту услугу открыто, но посылаем специального человека в город, рядом с которым останавливаемся, чтобы он закинул удочку и поискал желающих. Вы могли бы взять на себя эту обязанность, ведь знаете, *что* предстоит продавать. Вынужден признаться, что я этого не планировал. Джим не должен был отводить вас в *этот* фургон, но, в силу некоторых особенностей, ему трудно выполнить даже простую инструкцию.

— Правильно, валите всё на него... — процедила я, но до меня резко дошло: — Подождите! Разве моя обязанность не будет заключаться в кормлении животных?

— Нет, мисс О'Брайан, — подтвердил Густав, — давайте смотреть правде в глаза: без Джима вы бы не справились, а у него хватает других задач, чтобы постоянно вам помогать. И нам далеко не каждый день приходится избавляться от трупов.

И хоть он посмеялся над своими же словами, мне не понравилось, что его глаза оставались серьёзными. После всего... я бы уже ничему не удивилась.

— Ладно, мисс, — сказал карлик, — вам нужно отдохнуть. Пока можете переночевать здесь, а завтра утром я подумаю, где вас разместить. Надеюсь, вы потерпите моё соседство одну ночь? Обещаю не распускать руки!

Он поднял крошечные ладони над столом.

Да это просто смешно!

— Что... — я не сразу смогла подобрать слова: — Что за

существо было в том фургоне?

— Не задавайте вопросов, на которые не хотите услышать ответ, — отрезал Густав. — Вот вам дружеский совет: просто держитесь от того места подальше.

Подобный «совет» только подстегнул моё любопытство, но я слишком устала, чтобы развязывать спор и добиваться правды здесь и сейчас. Я осмотрела фургон на предмет места для сна и увидела небольшую тахту, притаившуюся за вешалкой с костюмами, которые заинтересовали меня в первый раз. Её длины не хватало, чтобы я могла вытянуться, потому, свернувшись калачиком, я закуталась в шерстяное одеяло, найденное в углу, и подложила под голову свою сумочку с револьвером. Только ощущая её рядом, я почувствовала себя хоть немного в безопасности.

Я почти провалилась в поверхностный, беспокойный сон, когда услышала, как открылась дверь трейлера. Сонливость как рукой сняло, и я напряглась, прислушиваясь.

— Ты ничего не хочешь мне объяснить? — спросил чей-то голос.

— Нет, — невозмутимо откликнулся карлик. — Что именно я должен тебе объяснять, Стефан? А вот мне бы хотелось услышать, почему ты здесь, а не там, где тебе полагается находиться.

— Потому что я не подписывался играть в твои игры, — огрызнулся неизвестный.

— Подожди-подожди, — протянул Густав, — если мне не

изменяет память, где-то здесь лежит бумага, где чёрным по белому написано, что ты как раз таки подписывался «играть в мои игры». Но если тебя что-то не устраивает, ты знаешь, где дверь. И мне очень интересно, куда ты пойдёшь...

— Хватит, — оборвал собеседник. — Эта девчонка...

— Не твоего ума дело! — рявкнул карлик, и меня поразила жёсткость, прорезавшаяся в его голосе. — Я не собираюсь это обсуждать.

Я аккуратно пошевелилась, пытаюсь найти положение, в котором смогу видеть говорящих, не попавшись на подслушивании. Увы, костюмы сильно ограничивали обзор. В узкий просвет между ними я различила лишь карлика, всё ещё заседающего за столом, и чью-то фигуру в чёрном плаще с капюшоном.

А в следующее мгновение я подалась назад, испугавшись движения, которое заметила боковым зрением. Что-то ткнулось мне в пятку, и я едва сдержала взволнованный возглас. Оно оказалось крупной серой собакой. Она стояла перед тахтой, дружелюбно виляя хвостом, и, будь я проклята, если это не та собака, из-за которой я попала в аварию и угодила сюда.

Из-за животного я пропустила, чем закончилась перепалка Густава и неизвестного.

Гость свистнул, и собака бодро умчалась следом за хозяином.

— Спокойной ночи, мисс О'Брайан, — пропел карлик со

своего места, тем самым дав понять, что он в курсе моих попыток услышать разговор, мне непредназначенный.

Глава вторая.

Когда отец сказал, что нам предстоит «серьёзный разговор», я сразу предположила самое худшее. Например, его уволили с работы из-за того нелепого эпизода с начальником, мы больше не сможем позволить себе даже квартиру и теперь станем жить под мостом; или он собрался на новую войну, рассчитывая на пенсию ветерана или компенсацию в случае его гибели; или мне придётся пойти на панель, чтобы хоть немного ему помочь... Или он снова заведёт речь о продаже скрипки.

Наша кухня была такой тесной, что мы едва могли разместиться здесь все вместе и, как правило, ели по очереди. Сейчас она показалась мне ещё меньше. Я страшилась смотреть на отца, упрямо глядя в окно за его плечом, выходящее на кирпичную стену соседнего здания. До стены было не больше пары футов, протяни руку — пересчитаешь пальцем все трещинки. В летние дни, открыв окно, Арья, самая младшая из моих сестёр, забавлялась, плюясь в кирпич вишнёвыми косточками. Они звонко отскакивали от него и падали вниз — в грязную подворотню, где частенько ночевали бездомные, и происходили таинственные randevu незнакомцев.

— Что случилось, отец? — поторопила я, не способная больше выносить тревожного ожидания. Лоб покрылся испариной, а футболка прилипла к спине. То, как долго отец

молчал, хмурясь и сосредоточенно покусывая губу, сильно действовало мне на нервы.

— Ты помнишь... — наконец заговорил он, — мистера Эспозито, который недавно к нам приходил?

— Да, сэр, — подтвердила я, решив, что моё первое опасение оказалось ближе к правде, чем остальные. Выходит, мистер Эспозито вышвырнул отца со службы. Невозможно было поверить, что лишь потому, что его дочь отказалась сыграть на чёртовой скрипке!

«Юная леди, — осадила я себя, вспомнив интонации матери, — что за выражения?»

— Ты очень ему понравилась, — вдруг выдал отец с таким видом, будто это разом всё должно было мне прояснить.

Я поёрзала на неудобной табуретке, за время, что мы сидели с ним, играя в гляделки, отпечатавшейся на моей тощей заднице. Мы плохо питались, а я, как ответственная старшая сестра, всегда старалась отдать большие порции девочкам. Я утешала себя тем, что таким образом сберегу фигуру, чтобы, не дай бог, не раздаться, как они. Вес всегда проще набрать, чем сбросить.

— Рада это слышать, — промямлила я, — и...

— Видишь ли, Агнес, — отец соизволил посмотреть мне в глаза, — мистер Эспозито очень высоко ценит мою работу и хотел бы поощрить меня за старания. Но он выдвинул одно условие...

«Вот оно!» — со смесью ужаса и ликования подумала я.

Мне предстоит быть как Вивьен Ли в «Мосте Ватерлоо» — прекрасной девушкой, ступившей на панель под гнѐтом обстоятельств, Джоан Фонтейн... Но только, пожалуйста, не Ингрид Бергман. Образы кинематографических несчастных красавиц наслоились друг на друга.

Я догадалась, что разменной монетой была моя невинность в обмен на роскошь, что может посулить мне богатый и властный мужчина. Мистер Эспозито богат, в чём не было и малейших сомнений.

Но он ровесник моего отца! А мне только исполнилось пятнадцать лет.

Это омерзительно!

Должно быть, я залилась краской с головы до пят, и отец это заметил, но я опередила его, выпалив:

— Пожалуйста, не надо!

— Что «не надо»? — поинтересовался он. Моя бурная реакция его озадачила, он не имел и малейшего представления, что за драма разыгрывается в моей голове. — Объясните, юная леди.

Я потупила взор, как мне казалось, незаметно, сморгнув слёзы с ресниц.

— Я... он же хочет, чтобы я... я... — сказать это оказалось труднее, чем я думала, — стала его *любовницей*?

Мне неловко было даже просто произносить вслух это слово! К счастью, отец не разгневался, а засмеялся.

— Что за нелепые фантазии? — беззлобно возмутился

он. — Приличной девушке не престало о таком думать. Речь идёт о браке, Агнес...

— Но он же старик! — вырвалось у меня.

Отец что-то пробормотал себе под нос по-ирландски. Он всегда обращался к языку наших предков, чтобы дочерям не были понятны его резкие словечки. Наша мать это страшно ненавидела и постоянно делала ему замечания.

— Глупая девчонка, — проворчал он. — У мистера Эспозито есть сын, немногим старше тебя. Ты могла бы стать для него отличной супругой, когда подрастёшь, если, конечно, выбросишь из головы весь этот бред, которым тебя напичкала мать!

— Сын? — повторила я, заинтересовавшись. Я представила мистера Эспозито с его золотыми часами, роскошным костюмом и ботинками, только моложе и... прекраснее. Моё сердце затрепыхалось, как глупая птичка. Собственная судьба уже не казалась мне столь трагичной. И пусть я, в отличие от сестёр, грезилась о карьере в кинематографе, а не тихом семейном очаге, всё равно оценила перспективы. Я не только буду жить в роскоши, словно принцесса, но и смогу воплотить все свои мечты. Какой мужчина откажется от жены — известной дивы, о которой грезят миллионы, но принадлежащей только ему.

— Впрочем, если панель для тебя предпочтительнее брака с приличным человеком, то... — начал отец, хитро посмотрев на меня.

— Нет, вовсе нет! — вскричала я.

Как же я ошибалась!

Лучше бы и правда стала публичной девкой, чем заключила сделку с дьяволом в золотых часах.

— Я счастлива, отец, — взволнованно продолжала я, — я хотела бы с ним познакомиться, если это возможно!

— Другое дело! — похвалил отец. — Собственно, об этом я и собирался с тобой поговорить: как ты должна себя вести, чтобы произвести наилучшее впечатление.

Выходит, он не спрашивал моего согласия.

Оно никого не интересовало.

Проснувшись от грохота снаружи, я пошарила под щекой, проверяя наличие сумочки с револьвером, и ещё какое-то время лежала с закрытыми глазами. Если бы не дискомфорт в теле и неудобная крошечная кровать, я подумала бы, что все недавние события мне приснились, и сейчас я очнусь в нашем шикарном особняке в Чикаго. На мягком египетском хлопке, постеленном на ложе размером с трейлер мистера Сноука. Наблюдая, как свет струится в высокие окна, я понежусь в постели, наслаждаясь трением шёлкового пеньюара о кожу и ароматом свежих цветов. Я надену своё лучшее платье и спущусь в ближайшее кафе, чтобы выпить чашечку кофе, а потом пройду по магазинам с Джоселин.

Не пройдуся.

Джоселин мертва — её похоронили в закрытом гробу из-за уродливых шрамов, что оставила серная кислота. А что до меня — я сбежала из этого ада и угодила в другой ад, где ревнивый муж не учинит над тобой расправу из-за беспочвенных подозрений, но тебе могут угрожать другие неприятные вещи.

По крайней мере, я жива.

Жива и голодна, но более-менее выпалась.

Мне всё равно не позволили бы дольше валяться в этом трейлере: кто-то легонько пнул меня в голень, торчащую из-под сползшего пледа.

— Просыпайся, спящая красавица, — скомандовал незнакомый женский голос.

Разлепив веки, я увидела над собой незнакомку и сначала поразилась её красоте и необычному синему цвету волос, но, опустив взгляд, невольно вздрогнула. Синими были не только волосы на её голове, но и борода, покрывавшая подбородок и щёки. В остальном она была вполне недурна собой, а батистовая блузка, шейный шарф и брюки с высокой посадкой делали её похожей на пиратку. Должно быть, чтобы дополнить образ, она вплела в косичку на бороде маленькую куриную косточку. Я понадеялась, что куриную.

— Босс сказал тебя забрать, — сообщила бородатая леди, — поторапливайся, скоро отчаливаем.

Я завозила, собирая свои пожитки, и, взвалив их на и

без того саднящую спину, поплелась за незнакомкой, и не подумавшей предложить свою помощь и взять у меня хотя бы скрипичный кофр. Она гордо прошествовала через лагерь, где царило заметное оживление, видимо, перед отправкой в Спрингфилд, Миссури. Сонно моргая, я силилась выцепить детали внешностей окружающих и убедиться, что все они имеют какие-то уродства, но слишком боялась, засмотревшись, отстать от провожатой.

Она привела меня к другому трейлеру, покрытому огромными нарисованными маргаритками, и постучала в дверь.

— Да-да? — отозвался кто-то внутри. — Открыто! Карла?

— Новенькая, — провозгласила бородатая, которую, видимо, звали этим чудным именем, — получите и распишитесь. Разберись! Мне некогда тут возиться!

Грубовато втолкнув меня внутрь, она развернулась на каблуках высоких сапог и ушла.

Я потёрла плечо, пострадавшее от сильной хватки этой Карлы, и мысленно приказала себе приготовиться к встрече с очередным экземпляром зверинца мистера Сноука. Однако девушка, возившаяся возле маленького кухонного островка, выглядела совершенно непримечательной. Это была низенькая индианка с длинной косой, болтавшейся на уровне её поясницы. Она повернулась всем корпусом ко мне и приветливо улыбнулась.

— Новенькая, — повторила она, — а звать тебя как?

— Ты... обычная? — выпалила я, порадовавшись, что

употребила это слово, а не другое, более резкое. Я тут же сконфузилась. Где моё воспитание? — Я — Агнес О'Брайан.

— Ты музыкант? — девушка проигнорировала мои слова, зацепившись взглядом за чехол со скрипкой. — Здорово. Я тоже. Моё имя Прийя. Просто Прийя. Кофе будешь?

— Я готова за него убить! — честно призналась я.

Прийя хмыкнула и кивком головы указала на высокий столик, как в придорожной закусочной. Я положила вещи рядом с ним и присела на потёртый диванчик. Трещины на ткани защекотали меня через брюки, вынудив поёрзать на сидении в поисках удобного положения.

Пока моя новая знакомая разливала кофе по чашкам, я рассмотрела интерьер, сочтя его по-своему уютным. Трейлер был старше и меньше того, где обосновался директор этого дурдома, но его обставляли с любовью. Обилие милых безделушек уверило меня, что здесь обитают одни женщины.

— А есть хочешь? — опомнилась Прийя. — Правда особо нечего, но у нас остались хлопья. Хочешь хлопьев?

Она напела музыку из рекламного ролика «Kellogg's Corn Flakes» и с заговорщической улыбкой потрясла пачкой на манер маракасов. Такое угощение привело бы в бурный восторг моих сестёр, а я предпочитала овсянку со свежими ягодами, грецкими орехами и кусочками фруктов. Я решила, что, за неимением полезной пищи, сгодится и это. Живот уже изрядно болел от голода.

Прийя насыпала щедрую порцию и себе. Вместо молока

она залила хлопча водой из бутылочки. Видимо, блага вроде собственного водопровода здесь были доступны лишь карлику.

— Значит, тебя засунули к нам, — с набитым ртом проговорила Прийя, — ну, Шарлиз-то койка уже не нужна...

Поймав мой недоумённый взгляд, она взялась объяснить:

— Шарлиз — девочка, что ходила по канату. Я говорила ей, что нечего лезть туда бухой, да кто же меня слушает? Короче, она умерла. Разбилась в лепёшку. И пришлось рвать когти из того города, как он там назывался...

Я сглотнула, и хлопча встали у меня поперёк горла.

— Какой ужас! — сказала я, прокашлявшись.

— Ну, дерьмо случается, — философски рассудила Прийя, — а что там у тебя? Скрипка или альт? Покажешь?

Мне не хотелось, чтобы кто-то посторонний притрагивался к моей скрипке, но отказ мог обидеть мою новую, а главное, *нормальную* знакомую. Я легко нашлась, как уйти от ответа.

— А на чём ты играешь? — спросила я.

— На всём, — гордо заявила Прийя. — Я типа — человек-оркестр, мастер на все руки, мисс «ловкие пальчики»!

Отложив ложку, она подняла кисти и изобразила в воздухе игру на пианино.

Только тогда я и заметила, что нормальной она совсем не была. На одной её руке было шесть пальцев, а на другой — семь. Из-за миниатюрности кистей это не бросалось в гла-

за, но наглядная демонстрация расставила всё по местам. Я почувствовала, что следующая порция хлопьев задержалась уже где-то на уровне моего солнечного сплетения, не желая проходить по пищеводу дальше.

Я нервно постучала себя ладонью по грудной клетке.

Прийя ослепительно улыбнулась и ткнула в меня одним из своих многочисленных пальцев.

— Видела бы ты своё лицо! — хихикнула она. — А ты-то решила, что у меня ничего такого, да? Стефан говорит, что человеческое зрение избирательно, поэтому вас легко обвести вокруг пальца. Только какого? Этого... или этого?

— Пожалуйста, прекрати, — взмолилась я, не в силах смотреть, как она, забавляясь, крутит ими по очереди перед моим лицом.

Имя, которое я уже трижды слышала ночью, меня заинтересовало. И Джим, и Прийя явно почитали эту персону за авторитет, хотя с карликом у них, кажется, были натянутые отношения. Если мне предстоит проделать с трупной путь до Спрингфилда, не помешало бы разобраться в их закулисных играх, чтобы не влипнуть в очередные неприятности. Пока Прийя внушала больше всего доверия.

— Кто такой Стефан? — поинтересовалась я светским тоном.

— Ой, его лучше обходи дальней дорогой, — посоветовала девушка-оркестр, — он терпеть не может таких, как ты.

— «Таких, как я»?

— Типа... ну... «обычных», — конечно, она не пропустила мимо ушей мою беспардонную приветственную реплику и обязана была напомнить. — Ты же обычная? Или у тебя под шмотками что-то...

— Нет, — перебила я, — ничего.

— Как по мне, это бред, — поделилась Прийя. — Что это будет, если мы все примемся друг друга ненавидеть - и уроды, и нормальные?

Я поразилась тому, с какой лёгкостью в её речи промелькнуло это гадкое, обидное слово, будто оно ничуть не задевает чувств девушки. Надо думать, что Прийе из-за её особенности никто не рад за пределами этого странного места. Мне захотелось её расспросить — откуда она, как попала в труппу, как жила до того, но я сочла это бестактным. Захочет, сама расскажет. Она, судя по всему, особа довольно болтливая и общительная.

— А кто ещё тут есть? — спросила я.

И Прийя с готовностью вывалила на меня целый воз информации. Имена мигом перепутались у меня в сознании, но в памяти прочно отпечатались краткие характеристики, данные их владельцам.

Слепая старуха, что якобы читает мысли и предсказывает будущее; гермафродит; сиамские близнецы; две танцовщицы, у одной из которых есть хвост, а у другой — дополнительная пара сосков; ещё карлица, но, важное уточнение, не родственница Густава; и другие несчастные, над кем посме-

ялась природа.

Испытав смесь отвращения и жалости, я подвела итог: нормальных людей здесь почти нет. Только я, доктор, дрессировщик, от которого Прийя также посоветовала держаться подальше, ибо он неприлично много пьёт; да работяги-техники, что выполняют тяжёлую физическую работу по установке и демонтажу лагеря. Последние — сплошь эмигранты из Европы, и почти никто из них не знает английский.

Любопытная здесь собралась компания!

Но какая же роль уготована мне?

Прийя, наверное, тоже об этом задумалась.

— А что ты будешь делать? — осведомилась она, промокнув водой горло, пересохшее после долгого экскурса в их причудливый быт. — Играть?

— Нет, — вздохнула я, — но Густав так и не объяснил, что от меня требуется.

— Ничего! — ободрила меня Прийя. — Босс сейчас весь в мыле перед отбытием, потом обязательно всё расскажет. Не сомневаюсь, что для такой красотки найдётся хорошая работёнка! Тебе говорили, что ты похожа на Вивьен Ли?

— Нет, — сказала я, не зная, зачем соврала.

Наверное, потому что мне стало стыдно из-за своей неуёмной гордыни, которую я лелеяла и взращивала в себе долгие годы. Я мнила себя особенной, достойной самой лучшей судьбы, славы, денег и всеобщего обожания. Здесь это казалось смешным и неуместным. Особенными были они, а

я — обычной.

И звучало это слово как оскорбление.

Спрингфилд ничуть не соответствовал образу Земли Обетованной, что рисовала моя фантазия. Это был унылый городок, окружённый полями и редкими дубовыми рощами, которому куда больше подошло бы определение, — *та ещё дыра*, глушь где-то на Среднем Западе. Приветственный билборд утверждал, что в Спрингфилде проживает шестьдесят пять тысяч человек, и желал хорошего дня.

На этом гостеприимство горожан резко закончилось.

Нас прогнали с ярмарочной площадки, идеально подходившей под запросы трупы, и, уставшие после долгой дороги, мы были вынуждены долго колесить по окрестностям, подыскивая другое место для стоянки. Оно нашлось возле ручья с мутной от известняка водой, и из-за деревьев, оврагов и неровной почвы там возникло немало проблем. Несколько грузовиков застряли на грунтовой дороге, развезённый недавним дождём, и караван разделился. К несчастью, Густав, с которым я жаждала побеседовать тет-а-тет, умчался командовать спасательной операцией.

Мне не терпелось узнать о его планах на свой счёт и, главное, наконец расплатиться за оказанную услугу и отправиться восвояси. В мои планы не входило дальнейшее путеше-

ствие с цирком. Хорошенького понемножку! Ярких воспоминаний уже хватит на целый том мемуаров. Когда-нибудь, рассказывая об этом, я и сама не поверю, что всё это было взаправду.

Чтобы не томиться без дела в ожидании, я вышла из трейлера Прийи и прошлась по лагерю, рассчитывая найти себе какое-то полезное занятие, но быстро разочаровалась в этой затее.

Карлик был всюду прав: я бы вряд ли им пригодилась. Ни рабочим, устанавливавшим шатры, ни Джиму, вешавшему гирлянды на высокие ветки деревьев, куда не дотянулся бы простой человек, ни другим, ушедшим в чащу за дровами для костров. У меня не было даже подходящей обуви, чтобы лазить по лесной грязи, и я побрезговала испачкать единственную пару лоферов из мягкой замши. Туфли пришли в негодность ещё той роковой ночью, и я их выбросила вместе с остальными вещами.

Я могла бы просто сбежать и пойти в город, плюнув на договорённость с Густавом, но я чувствовала себя ему обязанной, как и Прийе, кормившей и развлекавшей меня беседой в пути. Совершив немало ужасных вещей, я сохранила в себе остатки чести. Это был бы некрасивый и жалкий поступок. Выходило бы, что самодовольная тварь из мира нормальных людей просто воспользовалась добротой тех, кого все презирают.

Потому, признав своё поражение по всем фронтам, я взя-

ла кофр со скрипкой и пошла к ручью. Берег был суше, чем лесная почва, и я могла позволить себе небольшую прогулку по уединённому, живописному месту. Я нуждалась в одиночестве, за время недолгого соседства с Прией и Карлой невольно вспомнив, как делила комнату с шумными, беспокойными сёстрами.

В Чикаго у меня была не то что своя комната, а целый этаж в нашем шикарном особняке: санузел с огромной ванной на львиных лапах и гардеробная, размером с ту квартиру, где мы недолго ютились с отцом и девочками. Пока муж был занят своими *ужасными* делами, я была предоставлена сама себе. Красивая птичка в золотой клетке. Я готовилась к его приходу, намывая кожу до блеска, укладывая волосы и часами выбирая наряд, который он с меня снимет. Я ждала его сначала с нетерпением, а потом с содроганием. Замки в моей шикарной клетке запирались не изнутри, а снаружи.

Но я всё равно умудрилась сбежать!

Расстегнув кофр, я любовно погладила скрипку и, приложив её к плечу, пощипала струны, проверяя, как инструмент пережил все потрясения. Одна струна строила ниже, а две выше, и лишь последняя не нуждалась в настройке. Обрадовавшись, что могу посвятить этому достаточно времени, я взялась за дело, но, конечно же, мне не позволили насладиться процессом. Слух, отточенный занятиями музыкой, уловил хруст сухой ветки под чьим-то ботинком. Я тут же уложила скрипку на место и, не распрямляясь, потянулась к сумочке

с револьвером.

В этом не было необходимости: человек, нарушивший моё одиночество, был из труппы. Я уже видела издалека его в лагере, хоть и не имела возможности рассмотреть. Все они, на мой взгляд, были диковинками, но этот персонаж заслуживал особого внимания: он носил наглухо застёгнутый плащ и совершенно неподходящую к нему бейсбольную кепку. Прежде мне казалось, что у него просто такая белая кожа, но теперь я чётко видела, что его лицо и шея замотаны бинтами. Вероятно, это показалось ему недостаточной маскировкой, поскольку глаза скрывали солнцезащитные очки, а нижняя часть лица была прикрыта банданой, завязанной на ковбойский манер.

Образ сбивал с толку своей противоречивостью: то ли человек-невидимка, то ли грабитель, то ли просто беглый пациент лечебницы для душевнобольных.

Я выбрала первый вариант — самый безобидный.

— Здравствуйте, человек-невидимка, — как могла вежливо сказала я, надеясь, что чудак под облачением не имеет рта и не сможет вступить в диалог. Мне хотелось, чтобы он оставил меня в покое и шёл дальше своей дорогой.

И на что я только рассчитывала?

— Здравствуй, Ред Скелтон, — откликнулся незнакомец. Сравнение с Вивьен Ли куда больше тешило моё самолюбие, но это тоже не казалось оскорбительным. Если он, конечно, ставил себе такую цель. Предугадать намерения че-

ловека, который выглядит так, будто сбежал из египетского отдела Метрополитен, непростая задачка.

И я снова невольно подумала про Вивьен Ли, представив себя в её костюме и гриме Клеопатры. В детстве я обожала этот фильм. Мы с мамой ходили на него, кажется, сотню раз. Я фантазировала, как однажды тоже сыграю какую-нибудь царицу древнего мира.

В сухом остатке мне даже на скрипке не дают поиграть! И я не в Голливуде, а в глухом лесу в такой несусветной дыре, что никогда не нашла бы это место на карте.

«Пожалуйста, — взмолилась я про себя, обращаясь к мумии, — позволь мне тихонько постоять здесь и погрузиться в том, что моя жизнь свернула не туда».

— Я чем-то могу вам помочь? — раздражённо спросила я. Вышло до отвращения плаксиво.

— Себе помогите, — передразнил нарушитель моего спокойствия. — Вы заблудились, разыскивая гольф-клуб? Говорят, здесь неподалёку остановился цирк уродов. Вам лучше вернуться к вашему «Роллс-ройсу» подобру-поздорову.

— Это, по-вашему, похоже на клюшку для гольфа? — искренне возмутилась я, поднимая скрипку за гриф, чтобы язвительная мумия могла её видеть. Демонстрация не произвела на неё впечатления. Скорее *него*, ведь рост был внушительным, а голос мужским. — И я сама оттуда, — заявила я, — из цирка.

Очки скрывали глаза незнакомца, но я кожей почувство-

вала его пристальный взгляд и, опомнившись, выпрямилась. До того я так и стояла, склонившись над камнем, где устроила кофр со скрипкой и сумочку, не осознавая, насколько неприличное это положение. С небольшого пригорка, где застыл мой собеседник, открывался отличный обзор на моё бельё в вырезе платья. Засмутившись, я поправила декольте и одёрнула подол. Подкрадись он ко мне со спины, полюбовался бы чулками и трусиками. И у меня не было гарантий, что он не сделал этого, прежде чем обличить своё присутствие, зайдя с другой стороны.

Омерзительно!

— Не похоже на то, — вынес вердикт он, — дамочки вроде вас и на представления-то не приходят, боясь запятнать репутацию...

— «Вроде вас»! — перебила я, сражённая внезапной догадкой. — Так вы и есть Стефан?

— С чего такое предположение? — поинтересовался он.

— Слышала, что в лагере есть человек, предвзято относящийся к тем... — он не позволил мне закончить мысль, вставив:

— Человек? *Урод*, вы хотели сказать?

Я захлопнула крышку кофра и нервно дёрнула молнию. Любопытство, которое во мне вызывал этот персонаж, проиграло желанию избежать конфликта, а я чувствовала, что всё к тому идёт. Мне доводилось сталкиваться с общественными стереотипами, когда мне указывали на моё место, —

не у плиты, так в той самой гигантской постели с раздвинутыми ногами, но я страдала только за свой пол. Получить пощёчину просто потому, что природа оказалась ко мне благосклонна, наделив красотой и другими достоинствами вместо изъянов, было чем-то за гранью моего понимания.

Какой-то безумный мир, перевёрнутый вверх тормашками!

А он и не думал останавливаться:

— Бегите-бегите, леди, пока ноги целы. Вам не место в «Vice Versa».

Я хотела ответить, что сама разберусь, но меня слишком заинтриговала ничем не прикрытая агрессия в отношении моей скромной персоны. Я поднялась на холм и, поравнявшись с собеседником, уставилась в его лицо, скрытое за этим нелепым маскарадом. Невозможность прямого зрительного контакта меня только раззадорила. Это было... унижительно.

Словно он — чумной доктор в своей защитной маске, а я — рассадник заразы.

Но я была нормальной. Я, а не он.

— И что же мы вам такое сделали?! — выпалила я.

— Серьёзно? — из-под банданы и бинтов донёсся глухой смех. — Вы всегда нас ненавидели и считали хуже себя. Но нечто уродливое в вас, что вы не готовы признать, вас к нам так и тянет. Разумеется, пока никто не видит. Вы лицемерны в своём желании оставаться чистыми и непогрешимыми.

Я вспомнила, что мне сказал карлик после того, как я по-

бывала в том злополучном фургоне, испытав на себе все прелести, как он выразился, «комплимента от заведения».

Спина покрылась холодным потом. Я поёжилась. Мне и без того было неуютно в обществе неприятного типа в мрачном лесу. В наступившей паузе я услышала, как капли падают с веток, и шуршит вода в ручье.

Бежала бы и правда, пока ноги целы.

Ядовитый ответ крутился на языке, но воспоминания о пережитом так и оживали в моём сознании. Обволакивающая темнота. Жар чужого дыхания. Прикосновения. Рваная рана на загривке, спрятанная под воротничком платья от посторонних, но не от меня.

Напоминание, что я не была ни чистой, ни непогрешимой.

— Лично я вам ничего не сделала, — пробормотала я дрогнувшим голосом. — Ненавидя нас только за то, что мы другие, вы уподобляетесь тем, кто ненавидит вас.

Едва передвигая ноги, ставшие ватными, я побрела вверх по склону в направлении лагеря. Ветви деревьев шлёпали меня по плечам, а кусты цеплялись за подол платья, но я не придавала этому значения. Этот разговор истощил все мои силы. Я планировала не то спрятаться в трейлере Прийи и посидеть в тишине, не то забрать чемодан и сбежать. До Спрингфилда каких-то шесть-семь миль. Выйду сейчас — есть шанс добраться до темноты.

Заслышав шаги, я обрадовалась, что вредный человек-невидимка раскаялся за свои словесные пируэты и по-

пытается как-то сгладить ситуацию.

Разбежалась!

— Вы для этого навязались с нами? — ехидно спросил он.

— Продемонстрировать, какая вы добрая душа, способная испытывать сострадание к отверженным?

Чаша моего терпения переполнилась. За последние несколько дней я пережила больше потрясений, чем за последние несколько лет, а я видела много страшных вещей. Я больше не способна была сохранять самообладание, когда меня специально старались вывести из себя. И зачем? Почему нам было не разойтись относительно мирно?

— Нет, чёрт возьми, я с вами не «навязывалась»! — крикнула я. — Просто забыла бумажник в своём грёбаном «Роллс-ройсе» и не смогла расплатиться за услугу, оказанную мне вашим похотливым монстром! Пришлось остаться и отрабатывать!

Наверное, упомянув этот инцидент, я нарушила какое-то табу, а представления и все несчастные выродки — только прикрытия для главного аттракциона, о котором не принято говорить вслух. Ведь все хотят остаться «чистенькими и непогрешимыми». Уроды — не исключение. Иначе чем они будут попрекать простых людей?

Он отстал.

Победа в этом раунде осталась за мной, но не принесла должного удовлетворения.

Глава третья.

И хоть меня утешала мысль, что мой будущий муж будет молодым, богатым и красивым, я всё равно страшилась замужества. Я проплакала всю ночь накануне знакомства с сыном мистера Эспозито, накрывшись одеялом с головой и сотрясаясь от беззвучных рыданий до самого рассвета. Услышь сёстры — несомненно, подняли бы меня на смех. Разделяя с ними комнату, я давно научилась быть незаметной в проявлениях чувств. Им нельзя было видеть слабость, и они принимали мою сдержанность за чёрствость.

Утром я долго умывалась ледяной водой, чтобы вернуть лицу свежесть, и теперь лишь покрасневшие глаза выдавали мой маленький срыв. Девочки не заметили. Они умчались в школу, а я осталась, сказавшись больной. Отец велел мне так поступить — мне стоило подготовиться к ужину с семьёй Эспозито. Ради такого он и сам не пошёл на службу. Оказывается, мистер Эспозито не был его начальником. Отец выполнял какие-то его поручения в свободное время и, кажется, получал за них куда более щедрое жалование, нежели за работу портье в отеле.

Он явно нервничал и крутился на кухне, куря сигарету за сигаретой. Банка из-под консервированного горошка была доверху полна окурков. Он то слушал радио, то читал газету, но по большей части глазел в окно, постукивая пальцами по

столешинице.

Я ответственно подошла к выбору наряда, но, увы, это не составило особой сложности. У меня было не так уж много вещей: всего одно платье — праздничное, для походов в церковь, да шерстяная юбка, пара блузок и джемперов, которые я носила в школу. Ни эта одежда, ни та, что была на мне, — домашние штаны и майка, не годились. Я остановилась на платье для церкви, хоть оно и казалось мне нелепым и детским, рассудив, что это лучше, чем ничего.

Отец не одобрил мой выбор: он придирчиво осмотрел меня со всех сторон и покачал головой.

— Нет, Агнес, это никуда не годится, — сказал он. Встав на табурет, он снял с кухонного шкафчика ящик, где хранились все наши сбережения. Там было немного наличности и мамины украшения, которые он ещё не успел сдать старьёвщику. Выудив её обручальное кольцо, он тяжело вздохнул и накинул сверху купюры. Все купюры, что лежали в ящике.

— Нельзя презентовать тебя в этом, — объяснил отец.

Я прикусила язык, чтобы удержать комментарий о его расточительности.

Уже тогда я знала, что именно отцовская недалёковидность и стала причиной нашего бедственного положения. Мама происходила из хорошей семьи, осуждавшей её брак с, как они его называли, «каким-то проходимцем без гроша за душой». Пока она была жива, они присылали ей щедрые суммы, но после её кончины отказались финансировать ди-

кие авантюры отца. Он пытался вложить последние средства в какой-то бизнес, но тот прогорел, как и многие другие после войны. Мне было неизвестно, поставил ли отец в известность маминых родителей, живших в Коннектикуте, но с тех пор мы не получили от них ни цента. Наверное, нет. Но я по-детски злилась на них, считая, что они бросили нас, своих внушек, на произвол судьбы.

Почему мы должны были страдать из-за неприязни бабушки и дедушки к нашему отцу?

— Пора наведаться в «Маршалл Филдс», — торжественно провозгласил он, скомкав деньги в своей розовой пухлой ладошке. — Что скажешь, Агнес?

— Да, сэр, — сказала я, огромным усилием удержав себя от бурной реакции. Настоящей леди не престало прыгать от радости и хлопать в ладоши, как глупая девчонка!

Но я была в восторге: мне не приходилось бывать в главном и самом роскошном универмаге Чикаго со смерти матери. Я и думать забыла о своём беспокойстве из-за того, что на это уйдут наши последние деньги.

Скоро мы снова станем богаты, как раньше, и я смогу ходить туда хоть каждый день и покупать себе самые лучшие вещи!

Выбирая между сатиновыми перчатками от «Диор» и драгоценной скрипкой, я решила пожертвовать первым. Я оста-

вила их на столешнице в трейлере Прии вместе с запиской, начерканной на оборотной стороне фотографии Марлен Дитрих. Её мне было жаль меньше всего, наверное, потому, что она была немкой, а немцы после войны вызывали у всех смешанные чувства. Я написала, что очень извиняюсь, но мне срочно нужно уехать, деньги — компенсацию неудобств, доставленных трупке, я занесу на представление и постараюсь успеть, пока они ещё в Спрингфилде, а перчатки — подарок для самой Прии за её доброту и дружелюбие.

Я не застала её в трейлере, забрала свои вещи и пешком ушла в город. Все были слишком заняты установкой лагеря, чтобы заметить моё бегство, да и вряд ли кто-то бы стал тому препятствовать. Мне ясно дали понять, что я здесь чужая.

Это было правдой.

Чудом избежав безрадостной перспективы вляпаться по пути в коровью лепёшку, я достигла окраин Спрингфилда, где располагался крошечный придорожный мотель.

Неоновая вывеска сообщала, что все места заняты, и я выдохнула облегчённо: это место показалось мне мрачным и подозрительным. Ночлег в городе был бы куда предпочтительнее — не отель, так комната в доме какой-нибудь приличной старой леди. Я слышала о том, что одинокие пожилые женщины часто сдают простаивающие помещения, чтобы подзаработать. Мотель — территория дальнобойщиков, проституток и преступников.

Впрочем, последнее вполне подходило и ко мне.

По этой причине я спряталась за угол, лишь заметив проблесковый маячок патрульной машины. Выждав, пока она уберётся подальше, я пошла в другом направлении — по широкой улице с малоэтажными кирпичными домами, придиричиво читая названия заведений в поисках чего-то, что могло бы мне подойти. Я удивилась, что в этот ранний час большая часть из них уже закрыта, но быстро объяснила это тем, что в глубинке ни о какой ночной жизни не может быть и речи.

Открытой оказалась только закусочная на углу площади с памятником и небольшим парком. Туда я и подалась.

Колокольчик над дверью звякнул — и в меня вперились несколько десятков пар глаз. Я бегло оглядела себя, проверяя, не испачкалась ли в дороге, но так и не нашла в своём облике ничего достойного пристального внимания местных. Я выбрала самые, как мне казалось, неприметные вещи — всё ту же водолазку, брюки и лоферы. Понятное дело, что я не отправилась бы в поход в вечернем платье от «Баленсиага» или норковом полушубке.

Неужели нравы здесь настолько строгие, что для них событие, — женщина в брюках?

Сопровождаемая неуютной тишиной, нарушаемой лишь голосом Перри Комо из радиоприёмника, я пересекла заведение и села на табуретку перед хромированной стойкой. Официантка, до того протиравшая бокал, отставила его в сторону и сложила руки на груди. Рядом с ними была прикреплена табличка с именем «Сара». Сара взирала на меня

с откровенным недоверием, граничащим с враждебностью.

— Помочь тебе, дорогуша? — спросила она.

«Дорогуша», — повторила я про себя, едва сдержав улыбку. Мне уже доводилось сталкиваться с фамильярностью работников автозаправочных станций, так что это не было новинку, и всё равно отличалось от того почтительного обращения, к которому я привыкла, будучи женой влиятельного человека.

— Можно мне чашечку кофе, мисс? — попросила я. — И сегодняшнюю газету, пожалуйста.

— Конечно, сладкая, — хихикнув, ответила официантка и отвернулась к кофемашине. — Что тебе будет угодно: «Нью-Йорк Таймс» или «Вашингтон Пост»?

Прикинув, где, вероятнее всего, могла промелькнуть заметка об убийстве крупного чикагского бизнесмена, я растерялась. Я не рассчитывала, что там прямым текстом напишут, что никаким бизнесменом он не был, а был крупной мафиозной шишкой, полёгшей от руки сбежавшей жены, которую он сам же довёл, но хотела узнать хоть что-то. Всё-таки у моего мужа имелась деятельность для прикрытия, что периодически освещалась в прессе.

— «Нью-Йорк Таймс», — уточнила я.

Джентльмен, сидящий на ближайшем к нам виниловом диванчике, громко захохотал. Обернувшись через плечо, я заключила, что сильно погорячилась, назвав его «джентльменом», ведь он, скорее всего, был фермером, о чём говори-

ли его джинсовый засаленный комбинезон, загорелое грубое лицо и прохудившаяся шляпа. Поймав мой взгляд, он подмигнул, и я спешно повернулась обратно к официантке. Она тоже улыбалась.

— Простите? — пробормотала я.

— У нас таких не водится, принцесса, — объяснила она, сжалившись, и грохнула передо мной чашку с кофе, чистота которой вызывала сильные сомнения, — есть местная газета и газета штата, но её Ларри всю изгадил.

Я кивнула и взяла то, что дают, но, конечно же, в «Спрингфилдс Дэйли Ньюс» не было и слова о том, что в каком-то далёком Чикаго убили какого-то бизнесмена. Мельком пробежав глазами по заголовкам статей, освещавших результаты сельскохозяйственной выставки и конкурса научных работ среди учеников старшей школы, я вернула газету официантке.

— Спасибо, мисс, — поблагодарила я, — а вы не могли бы подсказать мне, где я могу найти ночлег? В мотеле всё занято.

— Ещё бы то не было занято, — фыркнула официантка. — Народ с выставки не успел разъехаться. Извиняй, дорогуша, ничем помочь не могу. Лучше позвони мужу и извинись, пока не вляпалась в неприятности.

— Что, простите? — изумилась я.

— Ну, ты же от мужа сбежала? — предположила она и подбородком указала на мою руку, сжимающую чашку кофе.

Я успела испугаться, что *они* побывали здесь или разослали на меня ориентировку, но осознала ложность своих опасений.

Кольцо — всё дело в нём. Я так и не смогла его снять — от ушиба рука сильно опухла, и мне никак от него не избавиться, пока отёк не спадёт.

Я быстро перевернула его камнем вниз. Не хватало, чтобы на меня напали из-за этой проклятой безделушки, — платина и овальный бриллиант, обрамлённый камнями поменьше, неотвратимо привлекали ко мне слишком много ненужного внимания.

— Не совсем, — пробормотала я. — Мой муж погиб в Корее, а у меня возникли проблемы с его роднёй, вот и пришлось уехать.

За исключением Кореи, это была почти правда — на меня действительно ополчилась вся семья. Семья чикагской мафии.

— И ты уже два года в бегах? — подловила меня официантка.

Я поджала губы — верно, война закончилась два года назад, но почему бы и нет? Что если я кое-как терпела сварливую мать мужа, оставаясь в его доме, но в конце концов не выдержала вечных упрёков? Какое официантке вообще дело до моих сложных взаимоотношений с выдуманной роднёй мёртвого супруга?

— Нет, — сказала я, решив придерживаться этой версии,

— до последнего жила с матерью мужа, но она та ещё стерва. Она очень богата, а я девушка простая. Она постоянно намекала, что не обязана меня содержать после гибели Генри. Были бы у нас хотя бы дети, она бы так меня не доставала, но мы не успели их завести, прежде чем он ушёл на службу.

По моим представлениям, грубое словечко должно было добавить моей легенде правдоподобия.

— Гм, — многозначительно изрекла официантка, — и куда ты намылилась?

— В Голливуд, — выпалила я, — хочу стать актрисой. Но у меня закончились сбережения, и пришлось тут остановиться. Мне нужен ночлег, мисс. И работа! Я готова...

— Все вакансии только для местных, дорогуша, — обрвала официантка, — ничем не могу помочь.

Я вздохнула. На меня мигом навалилась усталость — весь день мы провели в дороге, а после я имела неприятную стычку с мумией и долго топала сюда пешком. Я жалела, что покинула трейлер Прийи, где хотя бы могла вздремнуть, прежде чем отправляться на поиски новых приключений. Решение вышло импульсивным — всему виной этот мерзкий тип, вытянувший мне все нервы. Уж не знаю, что таилось у него под бинтами и нагромождением одежды, но он точно урод.

Моральный урод!

— До которого часу вы работаете? — спросила я. — Могу я посидеть здесь до утра, чтобы сесть на первый автобус?

— Мы скоро закрываемся, — отрезала официантка.

Я раздражённо швырнула на прилавок последние деньги, с лихвой покрывавшие стоимость кофе, и, собрав свои вещи, пошла к выходу. У меня не было и малейшего представления, где останавливается этот самый рейсовый автобус, и чем я буду платить за проезд, но впереди была целая ночь, чтобы это выяснить. Я точно не собиралась возвращаться в цирк, хотя бы потому, что путь через поле ночью, — настоящее самоубийство.

Устроив чемодан и кофр на лавочке перед статуей, я огляделась, проверяя, что из кустов на меня не выпрыгнет грабитель с ножом, одержимый идеей отобрать моё кольцо. На площади никого не было, словно в городе установлен комендантский час, после которого его обитатели и носа не показывают на улице. В окнах некоторых домов горел свет. Наверное, сейчас люди выглядывают из-за занавесок, видят меня и перешёптываются, судача, кто я такая и почему расселась тут в одиночестве.

Мне почти удалось задремать, откинувшись на жёсткую спинку лавочки, когда на меня упала чья-то тень, перекрыв свет от фонаря, пробивавшийся через веки. Человек словно состоял из самой тени — белыми были только зубы.

— Не пугайтесь, мисс! — быстро сказал он извиняющимся тоном. — Я не причиню вам вреда.

После общения с циркачами, обладателями крайне экстраординарных наружностей, темнокожий парень не должен

был меня испугать, но я всё равно напряглась. В моём прежнем окружении все, кроме прислуги, были белыми или, на худой конец, чуть смуглыми итало-американцами.

— Что вам нужно? — нервно уточнила я, потирая глаза здоровой рукой.

— Я краем уха слышал ваш разговор с Сарой, — объяснил незнакомец, — и решил вам помочь. Уж я-то знаю, какие они тут все.

— Какие?

— Консервативные до идиотизма, — усмехнулся он. — Мы с матерью держим парикмахерскую для цветных, вы можете перекантоваться там. А я пока спрошу маму, можно ли вас как-то пристроить к делу.

Если это не благовидный предлог, чтобы попытаться меня изнасиловать, ограбить или убить, то звучало слишком щедро. Но я имела представление о том, что общество крайне недружелюбно настроено к людям с иным цветом кожи. Я сама такой была, понабравшись этого от супруга. Он даже прислугу стремился подбирать только из белых.

— Спасибо, — польщённо сказала я. — Не передать словами, как вы меня выручите! Я всё отработаю.

Парень пожал плечами и, не спрашивая разрешения, взял мой чемодан, оставив мне только скрипичный чехол. Закинув его на плечо, я посеменила следом.

— Вы очень красивая, мисс, — мельком бросил мне мой спаситель.

Я ждала продолжения, но его не последовало. Ни сравнений с Вивьен Ли или какой-нибудь другой кинодивой, ни предложения расплатиться натурой за доброту.

Парня звали Майк Гамильтон, а его мать — красивым именем Виола, но она, к сожалению, не воодушевилась тем, что её отпрыск вздумал поиграть в Мать Терезу. Толком не обменявшись со мной и парой слов, она вручила мне метлу и дала короткую инструкцию, что нужно будет делать.

Я не жаловалась. Подметать густые чёрные волосы клиентов с пола — не то же самое, что расчленять труп по приказу жуткого карлика. Увы, Виола ясно дала понять, что после закрытия парикмахерской меня тут быть не должно. Она расплатится со мной за помощь в уборке, а дальше мне предстоит справляться самой. Или найти себе ночлег, или сесть на рейсовый автобус. Ей не нужны неприятности. А белая девушка с дорогим обручальным кольцом, путешествующая без мужа, как она метко заметила, неминуемо притащит их с собой на хвосте.

Виола с её сыном и так были не на лучшем счету у горожан.

Это я почерпнула из разговоров Виолы с клиентками — другими темнокожими женщинами, которым тоже приходилось несладко.

Когда она отлучилась на обед, а стрижками занялась смен-

щица, пришли две девчонки, судя по возрасту, старшеклассницы. Я не вслушивалась в их щебет, пока мой слух не уловил упоминание бродячего цирка. Женщина-парикмахер как раз вышла в соседнее хозяйственное помещение, что развязало юным посетительницам языки.

— Мы с Кёртисом планируем сходить на представление,
— сообщила одна из девчонок подруге, — хочешь с нами?

— Нет, конечно! — возмутилась вторая. — Там же богопротивные монстры, Нелли! Ты попадёшь в ад, если будешь на них смотреть!

— Неужели тебе не интересно? — надулась её собеседница. — Ну ад и ад, все мы там будем.

— Дура, — буркнула более сознательная из них.

Они помолчали, украдкой поглядывая на меня через зеркало. Я принялась с особым усердием тереть губкой раковину.

— А я слышала, как мама сказала Норе, что вдова Спенсер туда пойдёт! — склонившись к подруге и понизив голос, изрекла первая девчонка.

— Это зачем это вдове Спенсер туда тащиться? — всё-таки заинтересовалась вторая.

— Потому что там, говорят, есть существо, что может сделать ей приятно, — поиграв бровями, поведала её подруга, — а то вдова уже устала от своих нерадивых любовников! Ходят и ходят к ней, а толку никакого! Видать, у всех стручки коротковаты!

Для пущего эффекта она изобразила в воздухе похабный жест.

— Нелли!

Девчонка взвизгнула и ударила другую кулаком в плечо. Они захихикали, покосившись на меня.

— У вдовы Спенсер там уже, наверное, такую шахту пробурили, что только цирковая тварь и сможет найти золотой прииск! — не унималась Нелли.

— Как ты только можешь такое говорить! — осудила подруга.

Возвращение парикмахерши вынудило их прерваться, и я почувствовала разочарование вперемешку с облегчением. С одной стороны, мне не хотелось слышать про цирк, откуда я сбежала, и про тварь, с которой имела неудовольствие познакомиться поближе, с другой — было до смерти любопытно узнать местные сплетни. Я восхитилась тем, как оперативно сработал «рекламный агент» Густава, если к обеду молва об особенном аттракционе уже успела расползтись по городку.

Я могла бы поведать девчонкам, что на собственной шкуре ощутила невиданные удовольствия, ожидающие упомянутую ими вдову Спенсер, чтобы они предостерегли эту несчастную. Как ни странно, мне этого не хотелось.

Раз обеспеченные заскучавшие дамы желают вывалиться в грязи — кто я, чтобы им мешать?

Поймав себя на этих мыслях, я разозлилась, ведь они вторили утверждениям злого человека-невидимки.

Горожане не позволили цирку встать на их главной фестивальной площадке, оправдавшись тем, что её не успели прибрать после сельскохозяйственной выставки, но жаждали получить свою выгоду от соседства с презренными уродами.

Невольно напрашивался вопрос — кто здесь похотливая тварь?

Существо, что заперто в том фургоне, или внешне набожные и правильные леди вроде вдовы Спенсер, вознамерившиеся ступить во тьму?

«А ты? — спросила я себя. — Вошла бы туда ещё раз?»

Мне не понравилось, что ответ не был столь очевидным и категоричным, каким ему полагалось быть. Здесь была вина лишь моего мужа, приучившего меня к покорности. В ином случае, столкнувшись с кем-то, посягающим на меня против воли, я реагировала бы куда острее. Хозяину пикапа вон отстрелила полголовы!

Грубость, не подслащённая красивыми словами и дорогими подарками, почему-то казалась меньшим злом. С монстром всё хотя бы было по-честному — им двигали слепые инстинкты, а не испорченный разум. Он не клялся мне в вечной любви, не водил в оперу и рестораны, не осыпал цветами и драгоценностями.

Он просто сидел в темноте и ждал какую-нибудь порочную вдову Спенсер, чтобы её «осчастливить».

Я поразилась, что испытываю к этому созданию только жалость, хотя мне стоило бы его ненавидеть.

К счастью, вернулась Виола и отправила меня на обед. В ответ на благодарность за любезно принесённые ей сэндвич и кофе она заявила, что вычтет это из моего «жалования». С подпорченным настроением я вышла из парикмахерской, чтобы проглотить это скромное кушанье на свежем воздухе.

Это была ошибка ошибок.

Лучше бы я быстро сжевала сэндвич в грязном и тесном хозяйственном помещении!

На лавочке меня мгновенно заметил мужчина без полицейской формы, но со значком шерифа, приколотым к шлевке джинсов.

— Хорошего денёчка, мисс, — приветствовал он меня и, приспустив с носа солнцезащитные очки, уточнил: — Или миссис?

Наивно было рассчитывать, что моё появление в Спрингфилде останется незамеченным, если они тут так быстро обо всём узнают.

— Я вдова, — заявила я, — так что уже, наверное, мисс. Мисс Олквист. Чем могу быть полезна?

Теперь даже девичья фамилия не казалась мне достаточно безопасной, потому я использовала выдуманную. Я понадеялась, что он не любитель кинематографа и не поймает меня с поличным.

— Меня зовут Чес, — представился он, — я тут типа слежу за порядком. У вас всё хорошо, мисс Олквист? Мне сказали, что вы вчера искали, где переночевать. Удалось где-то

устроиться?

— Да, спасибо, — процедила я, скривившись от его деланной заботы, — мне помог мистер Гамильтон. Очень любезно с его стороны.

— Гамильтон? — с сомнением переспросил Чес. — Зря вы это, мисс. Лучше вам не знаться с шайкой черномазых. Я поспрашиваю, кто бы мог вас приютить. Надолго вы здесь? Куда направляетесь?

— Пытаюсь добраться до Голливуда, — сказала я и осознала, как нелепо это звучит.

Я сижу на лавочке в глухом городишке на Среднем Западе и ем бутерброд с откровенно тухлой индейкой после того, как подметала пыль в парикмахерской для чернокожих.

Где я и где Голливуд?

И это если опустить, что меня в любой момент могут поймать и убить за то, что я натворила в Чикаго.

— Далековато-то вас занесло от Голливуда, — подметил Чес, тоже уловив в моих словах подвох, — вы уверены, что вам не стоит вернуться к мужу?

«И он туда же!»

— Мой муж умер, — раздражённо напомнила я, — мне некуда возвращаться.

Чес погладил свои густые усы, задумчиво взирая на меня сверху вниз. Его пристальный взгляд заставил меня поёрзать на неудобном сидении. Желудок сжался — то ли от страха, то ли от некачественной пищи, к которой он совсем не при-

вык.

— Ладно, — наконец изрёк коп, — я зайду попозже и сообщу, где вы бы могли переночевать. Дождитесь меня и никуда не уходите.

— Спасибо, — выдавила я, твёрдо уверенная, что не выполню того, о чём он просит. Если ночью я с лёгкостью доверилась Финну Гамильтону, посулившему мне крышу над головой и какую-никакую работу, то шериф не вызывал у меня и капли доверия. В том, как он сказал последние слова, было что-то настораживающее.

В Чикаго полиция подчинялась таким как мой дражайший супруг. Это заверило меня в заключении, что копы мне не помогут и от них лучше держаться подальше, где бы я ни оказалась.

Как минимум, Чесу достаточно взглянуть на мои документы, чтобы правда вскрылась: никакая я не мисс Олквист, героиня «Газового света». Моя фамилия — Эспозито, а об убийстве моего мужа рано или поздно, но напишут в газетах. Его жена, таинственным образом очутившаяся в другом штате, на минуточку, первая в списке подозреваемых.

Кажется, мне пора вернуться в «Vice Versa», там и то куда безопаснее. Заодно сообщу язвительной мумии, что кое в чём он всё-таки ошибся:

Я сбежала из Чикаго не на «Роллс-Ройсе», а на «Крайслере Империал».

Получив от Виолы своё скудное жалованье, я сразу же снова пустилась в бега. Мне было стыдно, что я не поблагодарила Майку за доброту, но угрызения совести были незначительной жертвой, когда речь шла о спасении жизни. Я правильно поступила: шмыгнув в подворотню за парикмахерской, я заметила отблеск проблескового маячка полицейской машины. Минута промедления на сантименты хорошим людям — и меня бы сцапал шериф.

Я уже сто раз пожалела, что взяла с собой чемодан с кучей непрактичного тряпья, что накидала туда в сильной спешке, и всё же не могла его выбросить.

Во-первых, я надеялась, что смогу где-то продать что-то из этих вещей и выручить немного денег. Во-вторых, роскошные наряды от лучших кутюрье, купленные в чикагском «Маршалл Филдс», тут же скомпрометируют мою личность. Если меня ищут, я не стану упрощать им задачу прямым указанием на своё местоположение. Пусть прочёсывают окрестности вокруг брошенной машины хоть до скончания веков.

Эти доводы мало меня утешали, пока, кряхтя и потев, я волокла свою ношу по просёлочной дороге в сгущающихся сумерках. Вечер был по-летнему тёплым, хотя тут и там на деревьях встречались жёлтые листья. Влага с полей испарялась, делая воздух плотным и влажным, а в низких облаках, кажется, таилась новая порция дождя.

Первые капли упали мне на голову, когда я достигла дорожного указателя, на котором обнаружила цирковую афишу, нарисованную кем-то от руки. Вчитавшись в текст, я так и не нашла приписки о секретном аттракционе. Это лицемерие меня разозлило. Я сорвала афишу и скомкала в кулаке. Дождь усилился, барабанил по скрипичному кофру, но я никак не могла сдвинуться с места и совладать с собой.

Только далёкий шорох шин по гравию и вырвал меня из оцепенения. Окинув взглядом округу, я заметила дубовую рощу, где могла бы спрятаться от автомобиля, и побежала туда. Я припала телом к толстому стволу и выглянула из своего укрытия: с этой точки мне было не рассмотреть водителя, но в темноте померещилось, что это шериф. Скорее всего, не найдя меня в парикмахерской, он спрашивал местных, и ему указали направление, в котором скрылась беглянка.

«Плохи дела», — подумала я.

Эта дорога вела к ручью, возле которого и встал лагерь цирка, и я не знала, имеется ли здесь какая-то другая. Слева простиралось поле сои, где меня будет видно с любого расстояния, справа — опять треклятая кукуруза, в чьих зарослях могло таиться что угодно. Выбора не было. Я выбралась из рощи и вошла в лабиринт, рассудив, что койот, из-за которого я влипла в неприятности в прошлый раз, вряд ли увязался за цирком лишь бы мне досадить.

«Не койот, — припомнила я, — а крупная собака, похожая на волка». Если мне это не приснилось, мы встречались

с ней в трейлере Густава Ланга. Так что хотя бы койота можно вычеркнуть из списка возможных угроз.

Я преодолела кукурузное поле без происшествий, порадовавшись, что в этой местности они куда меньше и не простираются от горизонта до горизонта, и вошла в небольшой лес. Он показался мне смутно знакомым, ведь накануне мы продирались через него вместе с трупной. Увы, одно дело — ехать в трейлере рядом с молчаливой Карлой и шумной Прией, другое — идти пешком под дождём в гордом одиночестве. Почва стала мокрой и скользкой, а я уже изрядно устала тащить свой чемодан.

Он и сыграл со мной злую шутку: я поскользнулась на кучке опавших листьев, но удержала бы равновесие, если бы не ноша, непреодолимо тянувшая меня вниз. Чемодан улетел в темноту, а я, набив себе пару новых синяков, плюхнулась на пятую точку. Впору было заплакать, но я рассмеялась, сочтя своё положение скорее комичным.

«Глупее было только споткнуться о банановую кожуру!»

Силы оставили меня, и я откинулась на спину, подставив лицо струям дождя. Лёжа с закрытыми глазами, я вслушивалась в звуки леса, но не могла ничего разобрать за шорохом капель о листья и землю. В ином случае, я бы уловила посторонний шорох и подготовилась обороняться. Я поняла, что не одна, лишь когда что-то шершавое коснулось моей щеки. Это что-то оказалось языком — той самой собаки, которую я по ошибке приняла за койота. Собака упоённо лизала мне

щёку и виляла хвостом.

— Фу, отстань! — потребовала я, отмахиваясь от животного.

Оно не послушалось.

Я села и вытерла лицо рукавом. Пусть звуки и тонули в шуме дождя, свист я различила отчётливо. Собака побежала навстречу хозяину, а я совсем не разделяла её восторга от этой встречи. Я предпочла напороться в лесу на кого угодно, но не на него.

Человек-невидимка посветил фонариком на меня, а потом вокруг, выискивая мой чемодан, который он тут же поднял так легко, словно он ничего не весил.

— Я забыла, где припарковала свой «Роллс-Ройс», — сказала я, повысив голос, чтобы перекричать дождь. Мне показалось, что глупая шутка обезоружит противника и уменьшит его стремление говорить мне гадости. Мол, я и сама понимаю, что я богатая избалованная кукла. Ни к чему лишний раз тыкать меня носом в очевидные вещи.

— Кое-кто тут тоже им интересовался, — с неожиданной серьёзностью поведала злобедная мумия.

— Кто же? — поинтересовалась я, поднимаясь на ноги и отряхиваясь. Руки он мне не подал, на что я не особенно рассчитывала, но хотя бы спрятал меня под большим чёрным зонтом от дождя, что тоже было приятно.

— Местный шериф, — ответил Стефан, хотя я по-прежнему не была до конца уверена, что не ошиблась в своих

предположениях, и это действительно он, а не другой член труппы, ненавидящий простых людей. Не исключено, что все они, кроме Приيي и безмозглого Джима, не питают к нам тёплых чувств.

— Ох... — только и могла вздохнуть я.

— Он сказал, что в городе пропала какая-то приезжая девица, — продолжал человек-невидимка, — притащился проверить, не уволокли ли её гнусные уроды.

«Значит, мне не показалось, и это правда был шериф!»

— И? — поторопила я.

— Уроды ответили, что приготовили из неё рагу, — закончил он.

— Он ещё там?

Голова, замотанная бинтами, отрицательно дёрнулась. Я подметила, что даже в такой темноте он по-прежнему разгуливает в своих солнцезащитных очках, но, пожалуй, мне и не хотелось узнавать, что под ними скрыто. Раз я возвращаюсь в цирк, то ещё насмотрюсь разных диковин. Я успела познакомиться далеко не со всеми членами труппы.

— В смысле... — я прочистила горло, — я могу вернуться?

— Ты разрешения, что ли, у меня спрашиваешь? — искренне удивился мой собеседник. — Мне плевать. Решай сама. Но, думаю, лежать в луже посреди леса предпочтительнее, чем находиться среди нас.

— О, боже, — простонала я.

Моё тело ощущалось сплошным сгустком боли — после полноценного рабочего дня в парикмахерской ныли поясница и спина, а теперь к ним присоединился и ушибленный копчик. Старые «боевые раны» тоже резко напомнили о себе. Я была не в состоянии ввязываться в очередную словесную дуэль. Всё, чего я хотела, — добраться до лагеря, пасть в ноги Приёе и умолять пустить меня обратно. Я отдам ей все свои бесполезные шикарные вещи, даже свою скрипку. Что угодно в обмен на сухую, тёплую койку. О душе я и не мечтала — то было слишком дерзко.

Проигнорировав очередной выпад Стефана, я побрела в темноту в том направлении, где в моём представлении протекал ручей, возле которого встал лагерь. Он немного постоял на месте, и вскоре зонт снова оказался над моей головой.

— Эй, — окликнул меня он, — мне, наверное, стоит извиниться.

«Наверное», — повторила я про себя, почувствовав, как гнев придаёт мне сил. Сдались мне его извинения, тем более такие!

— Нет, не стоит, — буркнула я, — вы имеете полное право нас ненавидеть. Мы сами виноваты. Люди ужасно жестоки, в том числе и друг к другу. Просто...

— Не за это, — перебил он.

— А за что? — заинтересовалась я. На свою беду, я повернула корпус, чтобы посмотреть на него, хотя из-за его экипировки это было лишено смысла, и наступила в какую-то яму.

Второе падение за вечер вышло куда фатальнее, чем предыдущее. Я взмахнула руками, выругавшись, что было мне совершенно не свойственно, и полетела вперёд и вниз.

Конечно, я бы уже не услышала ответа — мой лоб столкнулся с чем-то слишком жёстким для земли.

Кажется, это был камень. Последней ясной мыслью, промелькнувшей в голове, загудевшей от боли, было:

«Господи, пожалуйста, пусть это будет конец».

Глава четвёртая.

Ужин с семьёй Эспозито прошёл благополучно. По крайней мере, отец остался доволен моим поведением и всю дорогу до дома на такси, — на которое мы истратили последние деньги! — неустанно твердил, как мной гордится. Оказывается, для этого достаточно было просто сидеть, смиренно опустив глаза, и открывать рот, лишь когда к тебе обращаются.

Несмотря на свой от природы достаточно бойкий нрав, я умела молчать при необходимости. Да и в целом обстановка «Ambassador East» действовала на меня подавляюще. Даже в новом платье, чудесных коротких перчатках и туфлях я чувствовала себя замарашкой, обманом проникшей в высшее общество. Все женщины вокруг щеголяли драгоценностями и роскошными вечерними туалетами, а мужчины были облачены в элегантные смокинги. Официанты и те носили костюмы приличнее, чем у отца. Я старалась не пялиться на изысканную публику, тяжёлые шторы, хрусталь люстр и серебро на столах, чтобы не выдать, насколько отвыкла от таких декораций. Зато мне удалось произвести впечатление скромной особы, что в последствии станет достойной женой для Луки Эспозито.

Я разглядывала устрицы на тарелке, но мой взгляд упрямо стремился вверх, — к нему, сидящему на противополож-

ной стороне стола рядом с его отцом. Надеюсь, что Лука будет хорош собой, я не представляла себе насколько. В свои двадцать два года он был по-настоящему великолепен — уже не мальчик, а мужчина в самом расцвете лет, словно сошедший с киноэкрана. Как и его отец, Лука имел густые волосы цвета воронова крыла, блестящие глаза италоамериканца и правильные черты лица, но кожу на несколько оттенков светлее и менее выдающийся нос, делавшие его идеальным на мой притязательный вкус. А главное — он не носил ужасных усов, обладателей которых я автоматически приравнивала к отцовской фигуре, теряя к ним малейший интерес.

Я оценила и его манеры, безупречную вежливость и привычку держаться чуть отстранённо, но не высокомерно.

Как выяснилось, я тоже ему понравилась.

Довольно скоро Лука собственной персоной явился к нам на порог, чтобы отвезти меня в кинотеатр и познакомиться поближе. Он запомнил слова отца о моём пристрастии к кинематографу и счёл это отличной возможностью для сближения. Отец был только рад и с лёгкостью отпустил меня на позднюю прогулку. Он не видел здесь ничего подсудного, ведь теперь Лука официально считался моим женихом. За ужином он вручил мне кольцо, от одного вида которого я чуть не упала в обморок.

— Где же оно, мисс О'Брайан? — полюбопытствовал он, пока его личный шофёр вёз нас по вечерним улицам.

Я смущённо поведала, что кольцо слишком дорого выгля-

дит, чтобы я могла открыто его носить, проживая в не самом благополучном районе Чикаго. И это — заметное преуменьшение правды. За такую безделушку меня могли убить. Я носила его на шнурке под платьем и тут же продемонстрировала Луке.

— Ничего, дорогая, — ласково изрёк он и поцеловал мне костяшки пальцев, — скоро вы получите жизнь, которой заслуживаете.

Вкупе со словами этот жест произвёл на меня неизгладимое впечатление, и до конца пути я молчала, не в силах справиться с мыслями. Я уже не была замарашкой на чужом празднике. Я ощутила себя Золушкой, которую прекрасный принц везёт на бал.

Увы, при виде неоновой вывески, бросающей на белоснежную башню главного кино-дворца города разноцветные отблески, на меня накатила тоска. Когда-то я бывала здесь с мамой. Потому добрую половину фильма я просидела со слезами на глазах, предаваясь воспоминаниям, а оставшуюся — остерегалась, как бы Лука не положил мне ладонь на коленку, как делают многие парни, пришедшие с подругами. Он держал руки при себе, и мой страх быстро сменился разочарованием. Я подумала, что, учитывая статус наших отношений, это было бы вполне уместно.

Заходя внутрь, мы миновали толпу у входа, и в буфете нам также не пришлось стоять в очереди — Луку везде пропускали, словно королевскую особу. После сеанса он взял мне

попкорна, а себе бутылочку коки. Вооружившись этим, мы вышли на улицу. Была ранняя весна, но к вечеру сильно похолодало. Лука заботливо накинул мне на плечи своё пальто — тяжёлое, большое и благоухающее статусным парфюмом.

— Вам не понравился фильм? — спросил он, заметив, как я поёжилась.

— Отличный фильм, — возразила я. — Дело в другом.

— А в чём же?

Мы миновали людей, скучившихся возле кинотеатра в ожидании следующего, более позднего сеанса, и двинулись мимо витрин. Пересилив себя, я закинула небольшую порцию попкорна в рот, но слишком волновалась, чтобы оценить вкус.

— Я бывала тут с мамой, — призналась я, — но её уже нет в живых.

— Моя мать тоже умерла, — откликнулся Лука, — а ни одна из подруг отца не оказалась достаточно хороша, чтобы её заменить.

Его комментарий окончательно растопил моё сердце, продемонстрировав, что за фасадом респектабельности эти люди испытывают те же чувства, что и мы, простые смертные. Мы встретились не для того, чтобы посмотреть «Третьего человека», а чтобы по-настоящему друг друга узнать. И, прогуливаясь возле кинотеатра, мы стали говорить о наших матерях. Боль утраты стала мостиком к взаимопониманию. У меня появилась надежда, что наши отношения станут чем-

то большим, чем брак по договорённости.

Так мне показалось.

Я почти поддалась очарованию этого вечера, но нам встретился злосчастный бездомный. Грязный бродяга, которого издали я приняла за гору тряпья, сидел прямо на мостовой и что-то неразборчиво бормотал. Я теснее прижалась к плечу Луки, лишь бы оказаться подальше, но что-то во мне дрогнуло, стоило разобрать невнятный лепет нищего:

— Пожалуйста, мисс... сэр... пожертвуйте цент бедному ветерану на хлеб.

Лука проигнорировал его слова и спешно отвернулся, а я задумалась, найдётся ли у меня в сумочке какая-то мелочь. И хоть я была одета в то самое платье на выход и пальто своего кавалера, на деле моё финансовое положение было не сильно лучше, чем у бродяги. Вспомнив мать, что всегда была щедрой, я решила, что должна оказать бедняге хоть какую-то помощь — не деньгами, так едой. У меня в руках по-прежнему был стаканчик попкорна, почти нетронутого.

Пригнувшись, я протянула его бездомному и заметила, что у него только одна нога, — вместо второй был уродливый куль, замотанный выше колена грязно-жёлтым бинтом. Я поджала губы от отвращения. Рука в рваной митенке схватила стаканчик, но, заглянув внутрь, старик вдруг скривился и отшвырнул попкорн в сторону.

— Лицемерная тварь! — зашипел он. — Мы ради вас были япошек и проливали кровь, и всё, что заслуживаем, —

это ваши объедки?

Я испуганно отпрянула и затрясла головой. Мне хотелось начать оправдываться, что я дала бы ему деньги, если бы они у меня были, но чувство вины быстро сменилось обидой.

Почему я должна это выслушивать?!

Я пыталась сделать хоть что-то, когда другие люди проходили мимо, предпочитая не замечать грязного старика, словно он и правда был просто кучей мусора.

И вот тогда в дело вмешался Лука. Он с размаху ударил нищего носком ботинка под дых, и тот отлетел к стене здания.

— Как ты смеешь так разговаривать с леди, кусок дерьма?! — гневно воскликнул он.

Я была слишком растеряна, чтобы ему помешать, да и какое-то злое ликование, возникнувшее во мне, вынуждало стоять и смотреть. Одного тумака Луке оказалось недостаточно. Не пожалев своих чёрных лакированных туфель, он пнул бездомного ещё несколько раз. Несчастный скорчился на полу, прижимая колени к животу, а руками пытаясь закрыть лицо.

— Сейчас же извинись, подонок! — потребовал Лука, но старик лишь скулил, как побитый пёс. Удары не прекращались — глухие шлепки, словно кто-то выбивает пыль из ковра.

Я зажмурилась — и услышала, как под каблуком ботинка хрустнули чужие пальцы.

— Простите, — пролепетал нищий, — простите, мисс...

— Так-то лучше, — заключил Лука и, подцепив меня за локоть, повёл в противоположном направлении. Отойдя на десяток шагов, он сдул прядь волос со лба, извлёк из нагрудного кармана белоснежный платок и принялся протирать свою обувь. На ткани расцвели алые пятна. Меня замутило от одного взгляда на них.

— Вы в порядке, мисс О’Брайан? — заботливо поинтересовался Лука.

Я неуверенно кивнула. Я должна была быть признательна, что он, будто отважный рыцарь, вступился за мою честь, но не испытывала благодарности. Я смотрела на него, безупречно-прекрасного, богатого, самоуверенного молодого мужчину, и гадала, откуда в нём такая бескомпромиссная жестокость. Кажется, он не в первый раз осознанно причинял кому-то боль.

Ударит ли он меня, если я сделаю что-то не так?

«Нет, — осадила себя я, — этот человек сам нарывался, Лука меня защищал. Он будет защищать меня, когда я стану его женой, ведь поклянётся в этом перед алтарём».

Он никогда меня не обидит.

И я поверила в это всей своей наивной, ещё совсем детской душой.

Он знал три тысячи способов бить так, чтобы окружающие ни о чём не догадались, оставляя лицо и руки нетронутыми. Лишь однажды, когда я попыталась сбежать в первый раз, он сорвался и избил меня до полусмерти. Живых мест на теле не осталось. Голова неустанно болела, и я была уверена, что заработала фатальное повреждение мозга и стану дурочкой. Ещё большей, чем была, согласившись выйти за него замуж.

Из-за того, как лоб болел сейчас, мне снова приснилась эта жуткая сцена — не из фильма, но из собственной биографии, вернее то, что было после неё. Я сидела в ванне со львиными лапами вся в крови, а он принёс мне охапку алых роз и куцые извинения.

«Прости, дорогая, я погорячился, ты же знаешь нашу итальянскую кровь. Это кольцо с рубинами и бриллиантами, прежде принадлежавшее какой-то европейской аристократке, сможет тебя утешить?»

Оно отлично подойдёт к твоим гематомам и синякам!

Я со стоном разлепила веки и пожалела — дневной свет нещадно резанул по глазам. К счастью, очнулась я в трейлере Прийи, а не в своей золотой клетке. Это меня обнадёжило, но ненадолго: ощупав повязку под волосами, я заключила, что моей голове снова неслабо досталось. Бинты красовались и на пальцах, скрывая злосчастное кольцо.

Из-за удара в голове было пусто. Я не помнила, как оказалась здесь, ведь последним моим воспоминанием была оче-

редная перепалка со зловредной мумией.

Прийя, расчёсывавшая свои густые длинные волосы, сидя на соседней койке, заметила, что я проснулась.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — пробормотала я, поморщившись от того, как собственный голос отдался в висках, — ты...

Я почесала затылок, собираясь с мыслями для вопроса. Их у меня накопилось немало.

— Я не сержусь из-за твоего побега, — Прийя каким-то образом догадалась, о чём я собираюсь спросить. Наверное, она тоже владела телепатией, как и слепая старуха, о которой она упоминала. Или это было слишком очевидно — я же, вроде как, бросила всех и смылась, что совершенно не делало мне чести. Логично, что я не рассчитывала на тёплый приём. А меня заботливо уложили в койку, избавили от грязной мокрой одежды и даже слегка подлатали. На мне осталось только бельё — вчерашние вещи висели на верёвке под крышей трейлера, судя по всему, кем-то выстиранные.

— Да? — переспросила я.

— Ага, — подтвердила Прийя, — Стефан тебя притащил и признался, что это он тебя довёл. Если честно, я бы тоже сбежала, умеет он нагнать страху. Но я ему всё высказала! И в качестве жеста доброй воли он осмотрел и обработал твои раны.

— Оу, — смущённо протянула я.

Мумия поделилась со мной своими бинтами! Это было бы

почти трогательно, если бы я не нашла себя раздетой. Меня мало радовало открытие, что к тому приложил руку этот омерзительный тип. Господи, он ведь не только меня видел, но и, скорее всего, притрагивался. В рамках «оказания помощи», разумеется.

Скорее всего, думая об этом, я покраснела, что дало Приёе повод надо мной поглумиться.

— Кажется, ты ему понравилась, — выдала она со злорадной улыбкой.

— Потрясающе, — заключила я, — а мне вот он совсем не понравился.

Приёя закончила заплетать косу и, спрыгнув с кровати, потянулась. Растопырив руки, она согнулась пополам и обхватила ступни — на ногах количество пальцев у неё было нормальным. Она взглянула на меня между своих бёдер, но я была слишком сконфужена, чтобы сделать комплимент её гибкости. А она того заслуживала.

— Да шучу я, — успокоила меня она, — просто он иногда помогает Доку и понабрался от него всякого.

Я кивнула, придерживая комментарий о том, что предпочла бы получить медицинскую помощь от Дока, а не его ученика. Самого доктора я пока не встречала. Возможно, он ещё хуже, чем мумия. Всё познаётся в сравнении.

— Только не говори Густаву, — попросила Приёя, распрямившись и проделав серию других загадочных пассов руками. В прошлый раз я проснулась позднее и не застала её

утренние ритуалы.

— О чём? — уточнила я.

— Да обо всём, — туманно откликнулась она, — и про бегство, и про Стефана. Густаву не понравится. Босс и так не в восторге, что он шарится по лагерю. У него будут серьёзные неприятности. Может он и наговорил тебе гадостей, но не со зла. Просто... он из Европы.

«Будто это оправдание его поведению!» — возмутилась я про себя.

Остальные эмигранты, что выполняли тяжёлую работу, не изъявляли желания отравить мне жизнь только за то, что я не вышла физиономией. *Вышла.* В том-то и проблема! Те рабботяги были нормальными, как и я, поэтому, наверное, и не реагировали на меня, будто бык на красную тряпку. А ещё Прийя сказала, что они не владеют английским! Я слышала, как между собой они общались на каком-то незнакомом мне языке, — плавном, с обилием мягких согласных, словно курлыканье голубей. Не исключено, что и они перемывали мне кости. С чего я взяла, что это не так? Или, чего доброго, обсуждали, как бы меня нагнули. Мумия хотя бы не совершала поползновений в этом направлении. И на том спасибо.

— Надо же, — задумчиво сказала я, — он хорошо знает язык, и я не заметила у него акцент.

— Он много читает, — объяснила Прийя. — А что ещё делать, когда постоянно сидишь взаперти? Только забивать себе голову всякой ерундой, а потом на всех срываться. У

меня бы тоже крыша поехала. Да и Док... не самая лучшая компания.

По её лицу скользнула неясная тень, уверившая меня в подозрениях насчёт местного доктора. Выходит, с ним тоже лучше не сталкиваться, хотя он, как утверждала Прийя, вполне обычный человек без всяких отклонений.

Кому, как не мне, знать, что люди, не имеющие внешних изъянов, могут быть напрочь прогнившими внутри?

Из-за одного такого я и очутилась здесь.

Он мёртв. Но есть другие — его чёртова свора, которая, без сомнения, сейчас рыскает по всему Чикаго, пытаясь меня отыскать, или уже расширила поиски на окрестности, где я бросила свой автомобиль.

— Что не так с Доком? — спросила я.

Прийя нервно облизала губы.

— Да ничего, — отмахнулась она, — но...

— Но от него стоит держаться подальше? — предположила я.

— Ага, что-то типа того, — сказала она. — Ладно, красотка! Мне нужно репетировать свой номер, а ты иди к боссу, пока он не сильно занят, и спроси, что тебе делать-то. От него ты не откупишься перчатками.

Она улыбнулась, но морщинка между её бровей так и не разгладилась. Она по-прежнему о чём-то сосредоточенно размышляла. Видимо, загадочный Док никак не хотел выходить у неё из головы.

— Я оставлю их себе, — заявила она, — хотя придётся проделать дырки для лишних пальцев.

Я досадливо хлопнула себя по больному лбу, почувствовав себя просто-таки невообразимо глупой. И о чём я только думала, оставив ей перчатки? Лучше бы пожертвовала скрипкой! Спасибо, Прийя — добрая душа и не обиделась на меня за этот колоссальный промах.

— Я их перешью, — быстро сказала я, — специально для тебя.

Ага, а ещё раздобуду для Джима обещанный шлем фантастических размеров. Ну да, ну да.

Прийя скептически хмыкнула и послала мне воздушный поцелуй.

Сегодня должно было состояться первое представление в Спрингфилде, потому в лагере царило заметное оживление. Заглянув в трейлер Густава, я не нашла его внутри и осталась ждать снаружи, где проторчала добрую часть дня, ощущая себя крайне бесполезным созданием. Все были чем-то заняты, и лишь я праздно болталась без дела.

Наконец карлик выскочил из-за угла, забавно перебирая короткими ногами. Он и на ходу изучал какие-то бумаги и вид у него был крайне напряжённый и важный.

— Здравствуйте, сэр, — обрадовавшись, я кинулась к

нему, — я...

— О, мисс О'Хара, — он отсалютовал мне ладонью, — извините, очень занят.

— О'Брайан, — автоматически поправила я, за что удостоилась насмешливого взгляда.

А то он не в курсе! Просто все здесь отчего-то считают своей обязанностью надо мной издеваться, и, если Прийя делает это мягко, то остальные предпочитают не церемониться.

— Мне нужна всего минута вашего времени, — взмолилась я.

Густав сжалился и кивком головы пригласил меня войти в трейлер.

— Что там у вас? — спросил он, швырнув бумаги на стол и устремившись к вешалке с костюмами. Я осталась топтаться у входа, заламывая кисти. Это я сделала зря — согнув пальцы травмированной руки, я поморщилась от боли. Я пожалела, что сняла повязку с неё, как и с головы, но мне не хотелось светить ими, будто таким образом меня пометила мумия. Кто знает — может, это заразно? И через какое-то время я и сама буду разгуливать, обмотанная бинтами с макушки до пят.

— Вы так и не сказали, что я могла бы сделать для трупы, чтобы отплатить за своё пребывание здесь.

— Кхм, — многозначительно кашлянул карлик.

Ничуть не смущаясь моего присутствия, он стянул пиджак и рубашку, чтобы переодеться в другую одежду, сня-

тую с вешалки, более праздничную. Выходит, он и сам будет выступать.

Я опустила глаза, засмутившись открыто разглядывать его мускулистую спину. Это вполне могла быть спина обычного мужчины, если бы не её детский размер и короткие ноги. Мозг упрямо цеплялся за это несоответствие.

— Пока с вашей стороны было бы большой любезностью не влипать в неприятности, — изрёк он после паузы.

Я изумлённо округлила рот и всё же глянула в его сторону. Он повернулся ко мне лицом, продевая неуклюжими пальцами петельки красной шёлковой рубашки с рюшами. На его плечи был наброшен короткий камзол в духе тореадора — чёрный с золотой тесьмой и эполетами.

— Копы могут снова явиться по вашу душу, — пояснил он, — а мы тут, знаете ли, не очень рады подобным гостям. Так что не мозольте глаза во время представления. После я подумаю, к какому делу вас пристроить...

У меня и самой уже имелись определённые соображения. Я пришла не с пустыми руками.

— Прийя сказала, что вы потеряли артистку, которая ходила по канату, — выпалила я. — Я хотела бы её заменить.

— Вы и по канату ходить умеете? — Густав не сдержал смешка. — Вот это да, мисс О'Брайан! И что же вы раньше молчали?

— Не умею, — призналась я, — но я занималась бальными танцами и хореографией. Я научусь. Я уверена, что смо-

гу, если вы позволите мне попробовать. У меня нет другого выхода. Мне нужна работа, но, как я уже поняла, я ничем особо не могу быть вам полезна.

— Ну... попробуйте, — сжалился карлик, подумав, — но учтите, что выступать придётся без страховки. Упадёте — пусть Прийя и отскребает от манежа ваши останки, раз вас надоумила. Этой девчонке нужно меньше болтать.

Мне не хотелось подставлять Прийю, но я утешила себя тем, что при подобном раскладе уже вряд ли буду раскаиваться перед ней. Став кровавым месивом на земле, я вообще не буду способна на сожаления.

Беспоирышный вариант в любом случае.

— Спасибо, — от всей души поблагодарила я.

— Да не за что, мисс О'Брайан, — пожал плечами Густав, — каждый сам выбирает, как себя убивать.

Я и не ждала, что мой план его воодушевит, и была довольна тем, что он хотя бы дал мне шанс. Окрылённая мыслью, что теперь в моём существовании появилась некая цель, кроме борьбы за выживание, я вышла из трейлера и отправилась на поиски прочной верёвки.

«Лучше бы раздобыла ещё и мыло», — мрачно подумала я. Какая-то часть меня была абсолютно согласна с карликом: эта идея — чистой воды самоубийство. Хотя где наша не пропадала?

Мне очень хотелось взглянуть на представление хоть одним глазком, но я знала, что это может для меня плохо закончиться. Я слышала музыку, доносящуюся из главного шатра, смех и гул голосов, а сама пряталась в тени пролеска, словно какой-то дикий зверь, не решающийся приблизиться к человеческому жилищу. Огоньки за деревьями так и манили, обещая иллюзорный уют и забытое ощущение вечного праздника.

Детские воспоминания о ярмарках выцвели, превратившись в разрозненный калейдоскоп, фрагменты которого сейчас оживали в моей голове в чудовищном беспорядке. Завлекающая мелодия, вспышки света, аромат варёной кукурузы и яблок в карамели, липкие от сладостей руки, беззаботный смех. Мир, простирающийся под красно-белым куполом, тогда казался зыбким и сказочным.

Теперь я знала, что никаким волшебством здесь и не пахнет.

Но мне в срочном порядке нужно было научиться творить его самой.

Пока выходило из рук вон плохо. Я натянула канат между деревьями на небольшой высоте над землей и, вооружившись для баланса самой ровной и длинной веткой, что удалось отыскать в округе, пробовала делать первые шаги. Казалось бы, ничего сложного, но подошва лоферов всё время соскальзывала, и, тыкаясь импровизированным шестом

в почву, я снова и снова оказывалась внизу. Решив, что проблема в обуви, я разулась и ступила босиком на влажную холодную землю.

«Давай, Агнес, — подбодрила я себя, — ты справишься, девочка. Представь, что это нужно для кинопроб».

К несчастью, подумав об этом, я только вогнала себя в тоску. В кино такую опасную работу выполняют специально обученные дублёрши, а не актрисы.

При всём желании я не была достаточно сильной и ловкой, чтобы удержаться на канате, и мне понадобятся годы тренировок для уверенных шагов. Первый же мой выход на арену станет последним. Людей, пришедших сюда за развлечением, конечно, повеселит моё падение, но ровно до того момента, пока они не поймут, что всё по-настоящему: и череп, треснувший, как яичная скорлупа, и сломанные кости. Цирку снова придётся сорваться с места, но уже без меня.

Впрочем, я не сдавалась, а взбиралась на верёвку снова и снова.

В конце концов, мне удалось пройти расстояние от дерева до дерева, не сорвавшись, и, на радостях оставив шест, я расплатилась за свою самонадеянность. Ступни горели огнём — верёвка была жёсткой и нещадно натирала кожу. Шагая по ней, я чувствовала себя русалочкой, променявшей хвост на пару человеческих ног. И именно боль, ставшая невыносимой, толкнула меня вниз. Я едва успела выставить руки, чтобы сберечь многострадальную голову, и мысленно поблаго-

дарила себя, что не перевесила верёвку повыше.

Обидно, но не смертельно.

Рассудив, что на сегодня достаточно, я осмотрелась, оценивая урон, нанесённый моей самой удобной одежде, — водолазке и брюкам. При столкновении с землёй, я вся вымазалась в грязи. Я сбегала в трейлер, чтобы переодеться, и снова вышла, прижимая к груди скомканный комок испачканных вещей, рассчитывая отстирать их в ручье. Если повезёт, они высохнут до утра, и я продолжу свои тренировки. В Спрингфилде на арену меня никто не выпустит, значит, у меня будет время до следующей остановки.

Но, уже возвращаясь обратно, я заметила отблеск фар автомобиля, подъехавшего к стихийной парковке на полянке. Успев мельком его разглядеть, прежде чем он скрылся во тьме, я напряглась. Эта машина отличалась от остального транспорта, на котором приехали немногочисленные зрители сегодняшнего представления, да и проследовала она дальше — туда, где на неё не падал бы свет многочисленных гирлянд и прожекторов. Львиная доля транспорта на стоянке была пикапами или облезлыми седанами, так что чёрный более-менее приличный «Кадиллак» сильно выбивался на их фоне.

Я решила, что это не к добру.

«Вдруг это они?!»

Оставив мокрые вещи прямо на ступеньках трейлера, я шмыгнула за ближайший грузовик и прислушалась. Музыка,

раздававшаяся в главном шатре и на площадке перед ним, мешала разобрать речь, но голоса были женскими. Уж не отравили ли эти ублюдки за мной своих жён, рассудив, что это усыпит мою бдительность?

Мне было жизненно необходимо увидеть говоривших, и, двигаясь с максимально возможной сноровкой для человека, на чью долю пришлось столько травм, я стала пробираться поближе. Три женских фигуры направлялись к фургонам с животными и, кажется, тоже остерегались быть кем-то обнаруженными.

Наконец на них упал свет, и я с облегчением заключила, что из них мне более-менее знакома только одна, — размалёванная вульгарная особа с красными волосами, которую я уже видела в лагере. Её спутницы были одеты почти элегантно, но на провинциальный манер: платья, пошитые по лекалам модных журналов, но весьма неумело и из дешёвых тканей, слишком громоздкие шляпки с перьями, больше напоминающими плюмаж, а не изящное украшение. Они точно не были жёнами чикагских бандитов, но вполне сошли бы за пародию на них.

От их расфуфыренного вида на меня накатила нездоровая нервная весёлость, мигом схлынувшая, когда я поняла, зачем они здесь. Они пришли в тот самый фургон, где сидела нечестивая тварь.

Первая отдала сумочку и меховую накидку подруге, чмокнув её в щёку на прощание, и скрылась внутри. Вторая заку-

рила, разбавив тошнотворный шлейф их сладких духов ароматом сигарет. Я ощущала их парфюм даже в своём укрытии — это оружие массового поражения разносилось на мили вокруг. Они могли сколько угодно пробираться в темноте, но их легко было бы отыскать только по запаху.

«Боже мой, — усмехнулась я про себя, — бедный монстр! Он там задохнётся со своим звериным нюхом!»

Музыка стала тише — представление, кажется, подходило к концу. Я смогла разобрать, о чём говорят красноволосая и провинциальная модница. Возможно, она и была той самой вдовой Спенсер, прельстившейся запретными удовольствиями. Или Спенсер — та, что уже приступила к дегустации.

— А вы, мисс, — спросила красноволосая, — попробуете?

Женщина напряжённо прислушивалась к звукам внутри фургона и вздрогнула, когда к ней обратились напрямую.

— Нет, боже упаси! — раздражённо фыркнула она. — Я лишь сопровождаю подругу. Я приличная женщина. Как вам только в голову такое пришло?

— Приличная женщина, — пробормотала я себе под нос, порадовавшись, что они не могут меня слышать. Приличная женщина попыталась бы отговорить подругу от глупой авантюры, а не тащилась с ней, чтобы постоять снаружи и послушать, как её там насилует неизвестное науке существо.

Не исключено, что эта гадина и поехала сюда, чтобы обзавестись великолепным поводом для сплетен и пересудов с

другими провинциальными курицами в перьях и мехах. Мне отлично известно, что такое женская дружба. Единственная, кто заставила меня посмотреть на неё под другим углом, была покойная Джоселин. Она не была такой ядовитой гадиной, как все другие избалованные жёны ублюдков, за что и поплатилась. Не сомневаюсь, что вдохновение для ревнивых истерик её муж получил от кого-то из её подруг. Точно не от меня. Я знала, что она была безгрешна, и помогала обрабатывать её синяки от побоев. А она — мои.

От воспоминаний о Джоселин по моей затёкшей спине пробежал холодок. Я повозилась, принимая более удобное положение, и, устроившись получше, откинула голову на стену фургончика, за которым затаилась. Небо было ясным, но огни цирка мешали рассмотреть хоть одну звезду. Я не знала, сколько так просидела, но земля ощущалась холодной, и я уже начала замерзать. Глаза слипались. Остерегаясь задремать, я аккуратно выглянула из своего укрытия, и очень вовремя.

Любительница острых ощущений вывалилась из фургона и, придерживаемая подругой, кое-как придала себе устойчивости. Её высветленные волосы стояли дыбом, а помада размазалась по всему лицу. Безвкусное платье представляло собой ещё более жалкое зрелище, чем до того, и, опомнившись, она принялась поправлять и одёргивать его подол. Она выглядела так, будто только что голыми руками сражалась с медведем-гризли, но осталась вполне удовлетворена

этой схваткой. Медведь, видимо, побеждён. Скорее всего, он просто не выдержал вони её духов.

Подружка всучила ей полушубок и сумочку, и, не сказав ни слова, дамочка вытащила оттуда кошелёк, чтобы расплатиться с красноволосой циркачкой. Руки у леди изрядно тряслись, и часть купюр посыпалась вниз и была похищена ветерком. Она беззаботно махнула ладонью им вслед и, подхватив подружку под локоть, шаткой походкой пошла в сторону их автомобиля.

Я двинулась за ними, обуреваемая любопытством. Побывав на её месте, я просто обязана была узнать, что она думает о пережитом опыте. Понравился ли ей аттракцион? Вид у неё был ошалелый, но, без сомнения, довольный. На жертву она точно не походила.

Не одна я нуждалась в подробностях. Подружка не сдержалась, стоило им отойти подальше от красноволосой и того фургона.

— Ну, Мелани! — с мольбой начала она. — Говори, что там было!

— Ох, Бэка, — охрипшим голосом откликнулась та, — я... не знаю, что тебе сказать.

— Оно правда делало *этос* тобой?

Мелани, искательница приключений и поклонница меховых накидок в начале осени, призадумалась. Я не видела её лица, но оценила многозначительную паузу. Она опёрлась бедром о борт «Кадиллака» и выудила из сумочки сигареты.

Чиркнуло колёсико бензиновой зажигалки.

— Делало, — подтвердила она. — Оно. Делало. Это. Со. Мной.

Интонационно выделив каждое слово, она истерически расхохоталась. Я подумала, что в ту ночь отделалась малой кровью, рассудок хотя бы остался при мне. Эта женщина казалась окончательно слетевшей с катушек. Впрочем, вряд ли у неё была такая «боевая подготовка», как у меня. Меня ломали годами. Я бы вытерпела не то что соитие с монстром, а пытку в застенках гестапо. Я никому не пожелала бы жить в том аду, где жила я. После него на многие вещи начинаешь смотреть иначе.

Как ни странно, я не испытывала и тени жалости к этой Мелани. Она не знала, на что идёт, но догадывалась. Она получила то, что заслуживала.

Как, впрочем, и я.

Я же с самого начала имела представление о том, что из себя представляет мой будущий муж. Будь я менее корыстной и самовлюблённой, сбежала бы после первой совместной прогулки, когда он жестоко избил бездомного попрошайку. Но я предпочла закрыть на это глаза. Я быстро нашла ему оправдание. Я оправдывала его и тогда, когда он впервые поднял руку уже на меня. Я считала, что он прав.

Оттолкнувшись от кузова грузовика, из-за которого я наблюдала за стоянкой, я развернулась и пошла обратно к фургону. С каждым шагом моя поступь становилась всё уверен-

нее и твёрже. В первый раз я вошла туда по ошибке, но сейчас решение было совершенно осознанным. Я хотела ступить в эту тьму. Я хотела, чтобы монстр меня растерзал, низвергнул с несуществующего пьедестала святости и непогрешимости, так бесившего правдолюбивую мумию.

К счастью, красноволосая женщина уже ушла и не встала у меня на пути, а дверь оказалась открыта. В темноте ещё ощущался шлейф тех мерзких духов, и я сморщила нос.

— Эй, — позвала я, плотно прикрывая за собой дверь, — ты тут?

Я понятия не имела, зачем пытаюсь вести диалог с тем, кто и в прошлый раз не отреагировал на человеческую речь, но припомнила, что многие животные воспринимают интонацию голоса. Мне казалось важным дать понять, что я пришла с миром, и что я, — не одна из тех женщин, которым не интересно, что таится во мраке. Я жалела, что не могу увидеть это создание, каким бы уродливым оно ни было. Можно сказать, что я нуждалась в его уродстве. Уродство всех этих несчастных обитателей зверинца Ланге по-своему меня успокаивало. Я не чувствовала себя ущербной среди них, словно проклятая принцесса из сказки, имея прекрасную наружность и гадкую душу.

Во мне тоже был изъян.

И тем, что пришла сюда, я его признала.

Я вздрогнула, когда мохнатая лапа легла мне на горло и чуть сжала, перекрывая кислород, но не вскрикнула. Глаза

не хотели привыкать к полной темноте, как я ни силилась рассмотреть существо, нависшее надо мной. Я ощутила его горячее дыхание в районе виска и сделала вывод, что оно очень большое, — выше меня, наверное, на голову, хоть я и не была коротышкой. Я протянула руку вперёд, рассчитывая коснуться морды, но поймала лишь воздух, колыхнувшийся от движения, когда оно уклонилось в сторону.

Выходит, оно могло меня видеть, а я его нет. Мне были дозволены лишь тактильные ощущения, обоняние и слух, но от последних было мало толку. Медицинский запах забивался в ноздри, мешая хоть что-то разобрать, а монстр почти не шевелился и не производил никаких звуков, кроме дыхания. Оно было частым и прерывистым, как у крупной собаки, что дышит через открытый рот. Я сомневалась, что хоть одна собака, даже стоя на задних лапах, будет такой высоты. Сколько в нём футов? Шесть с половиной? Или больше?

Мне всё равно хотелось по-детски дурашливо найти эту пасть и поймать шершавый язык, просунув в неё пальцы, даже если в результате я останусь без них. Мы с Приией сможем сделать парный номер — девушка, у которой их в избытке, и девушка, у которой очевидный недочёт.

Подумав об этом, я тихо хихикнула и, наверное, окончательно сбила монстра с толку.

Сначала пыталась вести с ним беседы, теперь вот смеялась без причины. Очевидно же — я не в себе.

— Я тебя не боюсь, — шёпотом сообщила я.

Наверное, ему уже доводилось это слышать, вот оно и восприняло мои слова как призыв к действию. Лапа скользнула вниз по моему телу, оставляя борозды от длинных когтей на ткани платья, и подхватило меня под ягодицы. Я в мгновение ока оказалась вжата в жёсткую стену фургона и тихо пискнула от боли в лопатках. Другая лапа ловко сорвала с меня трусики, и они исчезли во тьме. В поисках равновесия, я обхватила коленями туловище существа, и мех защекотал мне ноги через чулки. Он был приятным и шелковистым на ощупь, словно я прижималась к норковой шубе. От глупой метафоры, невольно пришедшей на ум, я развеселилась и странным образом успокоилась. Зверю не удалось меня запугать.

Его дальнейшие действия были вполне предсказуемы — удерживая меня на весу, он вторгся в моё тело одним размашистым толчком, от которого у меня на глазах выступили слёзы.

Как и в прошлый раз, боль быстро прошла, и в моём уплывающем в какое-то сладострастное марево мозгу промелькнула последняя ясная мысль: скорее всего, эта тварь как-то может воздействовать на сознание своих партнёров, что вызывает такую реакцию. Возможно, здесь замешаны звериные феромоны, обостряющие чувствительность, или что-то в подобном роде.

Естественные науки никогда меня не интересовали достаточно, чтобы я легко нашла объяснение в примере из мира животных.

Ещё бы! Я же мечтала стать актрисой. Как бы мне в этом пригодилась биология? Мне бы и в голову не пришло, как всё обернётся, а если бы и пришло — я бы не поверила, что вместо бесконечных съёмок и кинопроб буду отдаваться неведомой твари в тёмном фургоне бродячего цирка.

Оно яростно входило в меня, всё больше вдавливая в стену своим мощным телом и мешая сделать вдох. Перед глазами уже плясали белые пятна, что говорило о том, что я вот-вот потеряю сознание от нехватки кислорода. Я засипела обожжённым жаром горлом, и тварь как-то поняла, что чуть не сломала свою игрушку. Оно увлекло меня куда-то в сторону и вниз, где на полу обнаружилось что-то, отдалённо напоминающее тонкий матрас.

Я была уверена, что оно снова навалится сверху, но оно перевернуло меня на бок, как послушную куклу, и пристроилось сзади. Эта поза была слишком человеческой, и, удивившись, я ненадолго вынырнула из полузабытья.

Да, я не уделяла должного внимания школьным урокам, но имела представление о том, как спариваются животные. Укусить за загривок и поставить на четвереньки — вполне в их духе, но не пытаться распалить партнёршу дополнительной стимуляцией интимных зон.

А оно, кажется, старалось сделать именно это. Одна лапа скользнула в разошедшийся вырез платья и сжала мою грудь, а другая, задрав подол, накрыла промежность, но это всё-таки были лапы, а не руки мужчины. Я явственно ощущала гу-

стую шерсть и длинные когти, что запросто могли вспороть меня, как индейку на День Благодарения, а не одаривать грубоватой лаской.

Кое-как вернув себе власть над конечностями, я схватила ближайшую лапу, потянула к своему лицу и погрузила в рот, насколько это было возможно. Мой язык ощупал фаланги мохнатых пальцев, почти человеческих, лунки длинных ногтей. От моих действий существо зарычало и сжало пасть на моём плече. Я зашипела, чувствуя, как кровь струится по груди вниз, скапливаясь в лужицы во впадинах ключиц. Боль стала последним аккордом в этой симфонии безумия.

Если бы я хоть что-то видела, у меня, наверное, потемнело бы в глазах. Моё тело, пережившее столько потрясений, не выдержало напряжения и, кажется, умерло, чтобы родиться заново без ноющих ощущений в ушибленных местах, умиротворённое и сотканное из чистого блаженства. Качаясь на его волнах, я терпеливо ждала, пока и создание достигнет пика. Оно выпустило моё плечо и откинуло голову назад, выдернув свой орган за мгновение до извержения. Я испытала разочарование, ведь рассчитывала продлить удовольствие, как и в прошлый раз, ощущая метаморфозы нечеловеческой плоти внутри.

«Что-то изменилось», — поняла я.

Тогда всё было по-другому.

Неизменным оставалось лишь то, что после этого странного действия оно снова поторопилось удалиться от меня на

безопасное расстояние. Матрас промялся, когда зверь поднялся на ноги, его шаги гулко разнеслись по металлическому полу. Но я не собиралась никуда уходить — мне нужно было прийти в себя. Подтянув колени к груди, я обняла их рукой и ощупала свежую рваную рану на плече. Кончики пальцев повлажнели от крови, и сквозь навязчивый медицинский запах до меня донёсся металлический аромат собственной крови.

Я прикинула, насколько уместным будет попросить у твари одеяло, если оно у неё, конечно, в хозяйстве имеется. Без жара огромного тела поблизости я моментально начала замерзать в остатках рваной одежды. В фургоне было очень холодно. Прежде я не обращала на это внимание, ведь меня согревала вскипавшая в венах кровь.

— Эй, — позвала я, слепо щурясь в темноту в надежде увидеть хоть отблеск глаз, хоть что-то, — ты ещё здесь?

Глупый вопрос! Куда бы оно делось? Не нырнуло же в дыру в земле, ведущую прямоком в преисподнюю. Ну что ты, Агнес, как дитя малое!

— Да, — вдруг ответил мне вполне человеческий голос, — а вот тебе бы лучше отсюда убраться.

На меня словно вылили ведро ледяной воды — таким жёстким и неприязненным оказался тон говорившего.

— Ты можешь разговаривать? — воскликнула я.

— Угу, — подтвердил мой невидимый собеседник, — к несчастью.

Вот тогда я его узнала, с ужасом обнаружив, что мне уже

приходилось встречаться снаружи с обитателем этого фургона. И эти встречи можно было назвать какими угодно, но не приятными.

Глава пятая.

Я была уверена, что у меня достаточно времени, чтобы подготовиться к замужеству, но судьба внесла свои коррективы. Перстом судьбы, как и всем в этом городе, управляла семья Эспозито. Они не желали ждать несколько лет до моего совершеннолетия, и бракосочетание назначили на конец весны — практически сразу после моего шестнадцатого дня рождения.

Отец, конечно же, не высказал и малейших возражений — ему не терпелось выменять меня на тёплое местечко подле мистера Эспозито и финансовую стабильность. И минуты не сомневаясь, он дал своё разрешение.

И тут вдруг откуда-то нарисовались дедушка и бабушка, неведомо каким образом прознавшие о грандиозных планах отца. Они отыскивали нашу скромную квартирку — кричаще неуместные представител

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.